

Б.В.Бирюков, Л.Г.Бирюкова

**ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И СОФЬЯ
АЛЕКСАНДРОВНА ЯНОВСКАЯ
«Кембриджский гений» знакомится с советскими
математиками 30-х годов¹**

Abstract. *In this paper, we discuss L. Wittgenstein's visit to the Soviet Russia in 1935 and his contacts with Soviet mathematicians Yanovskaya, Glivenko, Yushkevich, probably Kolmogorov, and some others. We show that Wittgenstein was disinclined to discuss with them any specific problems of mathematical logic and foundations of mathematics. We speculate about what may and what may not have been discussed by them. We clarify a number of facts and rebut a number of wide-circulated myths concerning Wittgenstein's stay in the USSR.*

О Витгенштейне существует огромная литература. Из нее известно о поездке этого философа в Советский Союз. Например, что в Москве его принимала С.А.Яновская, а в Ленинграде – Т.Н.Горнштейн. Но, как выяснилось, он встречался не только с ними, – судя по всему, он виделся и с другими математиками и философами этих городов и вел с ними беседы. В этой статье мы попытаемся вписать эти беседы в контекст как кембриджского, так и московского бытия соответствующих научных сообществ середины 30-х годов прошлого столетия. Мы также сопоставим философские воззрения и личности Витгенштейна, с одной стороны, и Яновской – с другой, расскажем о взаимоотношении «Фреге – Витгенштейн», поскольку именно благодаря кембриджскому философу Софья Александровна уяснила для себя значение научного вклада великого иенского мыслителя.

Прежде всего об исторических источниках. Из необозримой литературы о Витгенштейне мы ограничились только несколькими книгами и статьями на русском языке: их достаточно, чтобы осветить названные выше вопросы. Это прежде всего сочинения Витгенштейна, имеющиеся в русском переводе²; нами использован

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 03-03-00096а. Авторы выражают благодарность Вячеславу Павловичу Шестакову и Марии Семеновне Козловой, предоставивших в наше распоряжение уникальную информацию.

² Существует два перевода «Логико-философского трактата» – 1958 г. (переводчики И.Добронравов и Д.Лахути; при ссылках: *Трактат*, 1958) и 1994 г. (пе-

также сборник переводных работ, озаглавленный «Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель»³, монография З.А.Сокулер⁴, статья В.П.Шестакова⁵, сочинение В.П.Руднева о «божественном Людвиге»⁶ и некоторые другие источники. При обращении к

реводчики М.С.Козлова и Ю.А.Асеев; при ссылках: *Трактат*, 1994), причем последний сопровождается немецким оригиналом. Мы пользуемся обоими переводами, сверяя их с немецким текстом, а в одном случае используя собственный перевод. К витгенштейновским «Философским исследованиям» мы обращаемся как по их переводам в кн. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XVI, М., 1985 (перевод С.А.Крылова) и в издании: *Л.Витгенштейн*. Философские работы. Часть II, М., «Гнозис», 1994 (перевод М.С.Козловой и Ю.А.Асеева), а к иным работам данного философа – по их переводам-извлечениям, выполненным А.Ф.Грязновым – в его книге «Материалы к курсу критики современной буржуазной философии. Философия языка Л.Витгенштейна» ([М.], 1987; при ссылках на эту книгу: *Грязнов – Материалы*), также по части II (книга I) названных выше «Философских работ» Витгенштейна (в дальнейшем при ссылках: *Витгенштейн*, ч. II, кн. I; ссылки на ч.I этой книги даются в форме: *Витгенштейн*, кн. I).

³ Сб. переводов с английского, составление и послесловие В.П.Руднева. М., Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1993. В этой книге помещены переводы публикаций: *Г.Г. фон Вригт* (Wright). Людвиг Витгенштейн. Биографический очерк; *Н.Малькольм* (Malcolm). Людвиг Витгенштейн. Воспоминания; *Ф.Паскаль* (Pascal). Витгенштейн. Личные воспоминания; *У.У.Бартли III* (Bartley). Витгенштейн; *Г.Бергман* (Bergmann). Блеск и нищета Людвиг Витгенштейна; помещен также перевод текста: *L. Wittgenstein*. Лекции. Кембридж 1930–1932. По записям Дж.Кинга и Д. Ли. Послесловие в этой книге называется «Витгенштейн как личность». В дальнейшем эти публикации цитируются соответственно как: *Вригт*, *Малькольм*, *Паскаль*, *Бартли*, *Бергман*, *Витгенштейн – лекции*, *Руднев – послесловие*.

⁴ *З.А.Сокулер*. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Курс лекций. Долгопродный. Аллегро-Пресс, 1994 (в дальнейшем при ссылках: *Сокулер*); *А.Ф.Грязнов*. Эволюция философских взглядов Л.Витгенштейна. [М.], Изд-во МГУ, 1985 (в дальнейшем при ссылках: *Грязнов 1985*).

⁵ *В.П.Шестаков*. Людвиг Витгенштейн: поездка в Россию // Вопросы философии. 2003, № 5 (в дальнейшем при ссылках: *Шестаков*); *М.Козлова*. Философские искания Витгенштейна // Вступительная статья в кн.: *Витгенштейн*, ч. I (в дальнейшем при ссылках: *Козлова*).

⁶ *В.Руднев*. Божественный Людвиг. Витгенштейн: формы жизни. М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. При дальнейших ссылках: *Руднев – книга*.

В писаниях В.П.Руднева много недостоверного. Например, Руднев ошибается, когда пишет, будто «Витгенштейн пришел на философский (!) факультет и представился Яновской»: философского факультета в МГУ тогда не было, была кафедра философии на *историческом* факультете, но сомнительно, чтобы Софья Александровна принимала его у историков.

Далее, высказывания этого писателя о том, будто Витгенштейн нашел у Фреге «ошибки» и «исправлял» Рассела, показывают, что их автор не владеет математико-логическим аппаратом. Об этом же говорят его слова о том, что Витгенштейн отнесся «без особого энтузиазма» к знаменитым результатам Гёделя потому, что «сам пришел к тем же выводам, сформулированным по-другому

Фреге мы опираемся на изданную в Германии его научную переписку⁷.

С. А. Яновская

Начнем с характеристики Софьи Александровны. В советское время иные авторы патетически писали о днях ее молодости, когда она с оружием в руках боролась за «прекрасные идеалы марксизма-ленинизма» и отстаивала их в течение сорока лет⁸. Уже говорилось о том, что эти слова не совсем точны⁹. Конечно, как убежденная коммунистка, она считала свою научную работу служением партии, и в 20–30-х годах прошлого века, то есть тогда, когда состоялись ее встречи с Витгенштейном, она была вполне марксистским мыслителем. В среде советских математиков этого времени ее партийно-политическая деятельность – не самая светлая глава ее биографии. Думается, однако, что события 30-х годов, особенно после 1934 г. (убийство С.М.Кирова), когда всеохватный террор стал все больше распространяться на партийные кадры, не могли не повлиять на взгляды С.А.Яновской. Конечно, это было только начало ее идейной эволюции, которая, по нашему мнению, завершилась к середине 50-х годов – после пика сталинских зверств и юдофобской кампании (борьба с «безродными космополитами» и дело «врачей-убийц»). Мы свидетельствуем: к этому времени взгляды С. А. Яновской – в детстве девочки из местечковой семьи, которой страна, клеймившаяся революционерами как «тюрьма народов», позволила получить превосходное среднее и в значительной мере высшее образование, – стали иными. Она

значительно раньше» (*В.П.Руднев – послеловие*, с. 347–348). Но Гёдель доказывал свои теоремы, пользуясь языком математической логики, тогда как у Витгенштейна могли быть только ни к чему не обязывающие общие идеи.

В своей книге о Витгенштейне Руднев цитирует некоего Д.Е.Галковского (автора книги «Бесконечный тупик»), объявившего, будто «одной из определяющих черт русского языка и, стало быть, характера, является склонность к глумлению», и, продолжая рассуждать на эту тему, говорит о «русском характере», что он глумится «от избытка интеллектуальной неастраченности, от неприменности своего разума, загубленного русской жизнью...» (с. 181). Думается, было бы лучше, если бы Галковский и Руднев вместо глумления над русской жизнью и русским характером нашли иную «применность» избытку собственной «интеллектуальной неастраченности»...

⁷ *G.Frege. Wissenschaftlicher Briefwechsel. Felix Meiner Verlag. Hamburg. 1976.*

При дальнейших ссылках: *Фреге – переписка*.

⁸ *Д.П. Горский. Математик-марксист // Женщины – революционеры и ученые. М., «Наука», 1982, с.86.*

⁹ *Б.В.Бирюков, О.А.Борисова. С.А.Яновская – выдающийся мыслитель, исследователь и педагог // Вопросы философии, 2004, № 3. В последующем при ссылках: Бирюков – Борисова.*

осознала реальную цену «прекрасным идеалам», и на марксистскую фразеологию, встречающуюся в работах С.А. последнего десятилетия ее жизни, следует смотреть как на непереносимое условие тогдашних публикаций, включая работы на философско-математические и логико-методологические темы. Те, кто тесно с ней общался, помнят ее внутреннюю чистоту и высоко порядочный стиль поведения, резко отличный от манеры, усвоенной партийно-философским начальством.

Нас, однако, интересуют 30-е годы. С середины третьего десятилетия прошлого века Яновская, судя по всему, жила, в постоянном страхе. Старая коммунистка – член партии с 1918 года, участница большевицкого подполья в Одессе, занятой войсками Антанты и «Вооруженными силами Юга России», то есть белыми, политработник Красной армии периода Гражданской войны – она вполне могла оказаться в ГУЛАГЕ: чекистский террор все более направлялся против «ленинской гвардии».

Когда мы будем говорить о приезде Витгенштейна в Ленинград, речь пойдет и о Т.Н. Горнштейн. Именно к ней, профессору ЛГУ, пришел в 1935 г. кембриджский философ, когда он был в городе на Неве. Яновская же опекала Витгенштейна в Москве. И хотя и Т.Н., и С.А. наверняка действовали по поручению партийного начальства либо с его ведома – иначе при советской власти быть просто не могло, – Горнштейн в следующем году была *арестована* и много лет пробыла в ГУЛАГЕ.

Человек, который «принимал» Витгенштейна в Ленинграде, заслуживает того, чтобы о нем сказать отдельно. Татьяна Николаевна Горнштейн¹⁰ (1904–1980) получила естественно-научное образование в Киевском университете. Там она окончила физико-математический и химический факультеты, а после переезда в Ленинград, кроме университета (профессором кафедры диалектического материализма которого она была), занимала должность научного сотрудника ленинградского отделения Института философии Коммунистической академии. Областью ее научных интересов была история науки. Вернувшись в Ленинград после почти двух десятилетий репрессий, она с 1955 г. работала в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники Ака-

¹⁰ Пользуемся случаем, чтобы обратить внимание читателя на ошибку, допущенную в статье: *Б.В. Бирюков*. Борьба вокруг логики в Московском государственном университете в первое послесталинское десятилетие (1954–1965) // *Логика* и В.Е.К. К 90-летию со дня рождения профессора Войшвилло Евгения Казимировича. М., Изд-во «Современные тетради», 2003 [за грифом философского ф-та МГУ – «К 250-летию Московского университета»]. В этой публикации фамилия Татьяны Николаевны оказалась искаженной: Горенштейн.

демии наук СССР, затем на академической кафедре философии, защитила докторскую диссертацию.

Чаша, которую испила Т.Н.Горнштейн, миновала Яновскую – ее не тронули, хотя знакомство (и, наверное, даже дружба) ее с Т.Н. не могла остаться неизвестной «органам». Нетрудно представить себе, что чувствовала Софья Александровна, когда узнала об аресте Татьяны Николаевны.

В статье, посвященной столетию со дня рождения С.А.Яновской, ее авторы утверждают, что она (из осторожности) «практически никогда не упоминала» имени Витгенштейна¹¹. Думается, это не совсем так. Своим ученикам она кое-что рассказывала. Говорила, например, что он был очень плохо одет – даже по советским меркам 30-х годов, и это воспринималось как свидетельство его материальной неустроенности в Англии (о том, что причина была не совсем в этом, мы скажем ниже). Именно этот философ из английского Кембриджа, судя по всему, раскрыл перед Яновской значение работ Г.Фреге. Во всяком случае он подарил ей главный труд иенского ученого – «Основные законы арифметики». До этого имя Фреге, этого создателя современной математической логики, и его идеи упоминались С.А. только вскользь и в негативном плане. Например, о Фреге мы ничего не нашли в ее статьях в выпущенном в 1936 г. сборнике статей о философии математики¹², хотя в помещенной там работе С.А. – «О так называемых “определениях через абстракцию”» обращение к фрегевским работам было бы более чем оправданным.

Экземпляр фрегевских «Основных законов...», подаренным Витгенштейном Софье Александровне, впоследствии пользовался ученик С.А., первый советский фрегевед – А.А.Ерофеев, а затем один из авторов этих строк, во второй половине 50-х годов – аспирант Яновской. Долгое время этот экземпляр, по-видимому, был единственным в Советском Союзе, и если бы не подарок Витгенштейна, фрегеведческие штудии в нашей стране появились бы с большим запозданием. Где ныне находится этот экземпляр, нам не известно.

¹¹ См.: И.Г.Башмакова, С.С.Демидов, В.А.Успенский. Жажда ясности // Вопросы истории естествознания и техники, 1996, № 4 (цит. по книге: В.А.Успенский. Труды по нематематике, т. 2. М., ОГИ, 2002, с. 1262).

¹² Сборник статей по философии математики. Под ред. проф. С.А.Яновской. М., Учпедгиз, 1936. На титуле книги указано: Утверждено Наркомпросом РСФСР.

Советская философия математики третьего десятилетия XX века

Это было время, когда те из марксистствующих философов нашей страны, которые пытались разработать философскую проблематику математики и естествознания, в поисках идейной опоры обычно обращались к Гегелю. Однако они не всегда владели научным и философским материалом – произведенное советской властью идеологическое опустошение было слишком сильно, и подчас не у кого было учиться. Авторитетами были прежде всего Маркс да Энгельс, а они, как известно, были гегельянцами. На Гегеля ориентировали и «Философские тетради» В.И.Ульянова-Ленина, которые тогда были опубликованы. Но разобраться в том, что в гегелевском наследии было достойным внимания, а что нет, было непросто.

Дань увлечения Гегелем отдала и С.А.Яновская. В своих первых работах, относящихся к методологическим аспектам математического знания, она стремилась выявить позитивное в мыслях Гегеля о математике. Уже в этих работах, о которых «поздняя Яновская» не вспоминала, обнаружилось ее умение сосредоточиваться на принципиально важных логико-методологических вопросах. К концу 20-х годов она овладела и философской проблематикой, и математикой своего времени, открыв в качестве своей «ниши» историю математической мысли и логику.

О логике разговор особый. В условиях 30-х годов – да и последующих десятилетий тоже – она требовала защиты и в философском, и в математическом сообществах «страны советов». Яновская «выгородила» для научной логики область, в которую было трудно проникнуть научным невеждам: она объявила математическую логику наукой о рассуждениях в математике. В совместной с В.И.Гливленко ее энциклопедической статье о математической логике мы находим следующую дефиницию: «Логика математическая, дисциплина, исследующая свойства логических операций, применяемых в математике; логика математическая исследует эти свойства теми же методами, которыми, например, алгебра исследует свойства операций арифметики»¹³.

Подобное истолкование математической логики предохраняло ее от нападков сторонников «диалектической логики». А чтобы защитить более широкое понимание логической науки – понимание, от которого было не уйти, С.А. использовала оружие своих же оппонентов: диалектико-материалистическую терминологию. Но

¹³ С.Яновская, В.Гливленко. Логика математическая // Большая Советская энциклопедия. Том 37. М., 1938, с. 330.

терминологией она не ограничилась – по крайней мере с середины 30-х годов она начала вырабатывать свою собственную концепцию диалектической стороны логического. История упомянутого выше сборника статей по философии математики 1936 г. показывает, в каких сложных условиях это происходило.

Сборник был составлен из статей, написанных отечественными математиками нового поколения. Редактору книги – С.А.Яновской принадлежало в нем, помимо Предисловия (датированного 1 января 1936 г.), – три (!) статьи. Из книги явствует, что материал, вошедший в сборник, был доложен авторами на II Всесоюзном съезде математиков, состоявшемся в июне 1934 г., а именно – на секции истории и философии математики. Сообщалось, что книга подготовлена «к двадцатилетию ленинского “Материализма и эмпириокритицизма”». Очевидно, сам факт появления того или иного имени в качестве одного из авторов сборника означал, что данный ученый стоит на позициях борьбы с «буржуазной философией математики».

В книге приняли участие такие математики, как А.Н.Колмогоров, П.С.Александров, Г.А.Курош, В.И.Гливленко. Как следует из Предисловия, замысел сборника состоял в том, чтобы показать, что «гениальная ленинская характеристика сущности и основных черт кризиса физики оказалась полностью приложимой и к кризису основ математики. И здесь кризис был порожден самим ростом науки, приведшим к ломке всех ее основных понятий и методов; и здесь причиной его возникновения оказался философский идеализм, паразитирующий на росте науки, развивающейся в атмосфере неразрешимых для буржуазии противоречий империалистического капитализма; и здесь, по существу, на самом деле, математика оказалась рождающей отнюдь не идеализм, а диалектический материализм; и здесь идет борьба партий в философии, за которой скрывается, как ее собственная причина, порождающая поляризацию сил, классовая борьба». В отношении же советской математики говорилось, что развивается она «на почве самой передовой практики человечества – практики социализма», из чего следует, что в ее распоряжении «имеется все необходимое и достаточное для реализации лозунга вождя народов великого Сталина о ликвидации отставания теории от практики»¹⁴.

Взглянув на этот текст глазами того времени, мы убеждаемся, что в нем представлена система защиты *отечественных* математических исследований от идеологической критики. Вспомним, что совсем недавно «прорабатывались» такие ученые, как

¹⁴ Сборник статей по философии математики, с. 3, 5.

Д.Ф.Егоров и Н.Н.Лузин. Теперь же за идеализм критиковались не советские, а *зарубежные* математики – Кантор, Пуанкаре, Рассел, Герман Вейль, Гильберт; о Витгенштейне в сборнике нет ни слова, почему его рассказ о том, что С.А. встретила его словами – «неужели это великий Витгенштейн!?» могут показаться странными (мы еще вернемся к этому вопросу).

Так отвоёвывалась область, где можно было творчески работать. Существенно, что в нее входила и математическая логика. Статус последней утверждался статьей «Логика математическая» в «Большой советской энциклопедии». Написанная С.А.Яновской и В.И.Гливленко (именно в таком порядке следуют подписи авторов статьи), она, как мы сказали выше, определяла математическую логику как дисциплину, исследующую применяемые в *математике* свойства логических операций.

Сборник был неоднороден. Одни авторы – Колмогоров, Александров, Курош предпочли сосредоточить внимание на «росте науки и ломке ее основных понятий», другие же писали о «паразитирующем на росте науки идеализме» за рубежом. Статья В.И.Гливленко называлась «Кризис основ математики на современном этапе его развития». Ленинградский математик А.Фишер писал о философии математики Р.Гонсета. Две статьи Яновской были посвящены критике идеализма в математике, но одна – об «определениях через абстракцию» принадлежала не идеологической конъюнктуре, а науке, точнее, научной методологии. С марксизмом эту статью связывало, по сути, только то, что в ней показывалось: Маркс в «Капитале» определял понятие «стоимости» аналогично понятию натурального (целого положительного) числа – *через абстракцию*. Проблема абстракции навсегда осталась центральной в творчестве С.А. И свою критику Кантора, высказавшего убеждение, что «сущность математики в ее свободе», она уже никогда не повторяла в той плоской форме, какая имела место в ее статьях 20-х – начала 30-х годов. С.А. стала отстаивать то, что можно назвать «свободой введения научных абстракций», – при условии, что их можно исключать, спускаясь на более низкий уровень абстрактности рассмотрений либо при приложениях теории, дающих верные результаты. Впоследствии эти взгляды С.А. вылились в стройную концепцию «введения и исключения абстракций», обосновывавшуюся прежде всего на материале математики и логики.

Мы говорим столь подробно о сборнике 1936 года по следующим причинам. Как оказалось, главная часть вошедших в него материалов готовилась к печати еще в 1934 г. Это следует из того, что в апрельском номере журнала «Фронт науки и техники» за

названный год¹⁵ были опубликованы статьи А.Колмогорова, П.Александрова, Г.Куроша, В.Гливенко, С.Яновской, позднее почти в неизменной форме вошедшие в сборник 1936 года. А из напечатанного в этом журнале (за подписью В.Степанова) уведомления о том, что «Второй Всесоюзный математический съезд состоится в Ленинграде 30 июня 1934 года», следовало, что данный журнальный номер действительно вышел до приезда в СССР кембриджского философа. Это значит, что сборник 1936 г. – гораздо более доступный для читателя, чем упомянутый выше журнал, – отражал философские взгляды его авторов как раз на то время, когда с ними вел (или мог вести) беседы Витгенштейн. Мало того, четверо из участников труда 1936 г. – А.Н.Колмогоров, В.И.Гливенко, А.М.Фишер и С.А.Яновская фигурируют в двух ставших доступными нам страничках записной книжки Витгенштейна, о которых мы будем еще говорить.

В 1935 г. в том же журнале (№ 3) увидела свет статья С.А.Яновской «Современные течения в буржуазной философии математики», впоследствии вошедшая в сборник 1936 года. В свете тех дискуссий, которые С.А. вела в 1935 г. с Витгенштейном, эта статья особенно показательна. В ней анализируются особенности математики того времени, в частности трудности, которые связаны с проблемами бесконечности и существования математических объектов, ставящие под сомнение формально-логический закон исключенного третьего. В статье подвергаются критике «генетическая математика» интуиционистов и «метаматематика» формалистов, то есть установки Брауэра и Гильберта. Очевидно, что Яновской и Витгенштейну было что обсуждать.

Л. Витгенштейн: аристократ или еврей, гений или дутая величина?

Известно, что Витгенштейн происходил из очень богатой австрийской семьи, получил прекрасное образование – гуманитарное (он владел латынью и греческим) и техническое (приобрел специальность авиаинженера). Но ни гуманитарная культура, ни техника не послужили для него основой для формирования жизненного стержня. Он все время метался, нигде не находя прочной опоры для своего бытия. Восприняв учение Толстого периода его отщепенства от русской действительности, Витгенштейн то учи-

¹⁵ Фронт науки и техники. 1934, № 4. Это был ежемесячный общественно-политический журнал Всесоюзной ассоциации работников науки и техники (ВАРНТСО) и Секции научных работников (СНР). Раздел «Проблемы математики» занимает в № 4 страницы 24–78.

тельствовав в сельских школах австрийских Альп, то обретался на норвежских берегах в построенной им самим хижине. Снедаемый комплексом неполноценности и вины, причиной чего были его, как предполагают, нетрадиционные сексуальные ориентации, он надевал на себя личины то высокомерия, то сомнения (утверждая, например, что он никогда ни к кому не бывает несправедлив¹⁶), то смирения – вплоть до мысли об уходе в монастырь. Два его брата были самоубийцами, и сам он в течение многих лет подумывал последовать их примеру. В 20-х годах он даже подвергался принудительному освидетельствованию на предмет психического здоровья. Витгенштейн тщательно скрывал подробности своей личной жизни, доходя в этом до крайних форм. Например, когда его попросили предоставить для ознакомления письма, полученные им от Г.Фреге, он отказался, мотивируя это тем, что они имеют частный характер. Но какого содержания, кроме сугубо научного, могли они быть? В посмертных бумагах Витгенштейна письма эти обнаружены не были...

«Большая часть его [Витгенштейна] жизни навсегда останется неизвестной даже ближайшим друзьям», – пишет в своих воспоминаниях о нем Фаня Паскаль, учившая его русскому языку¹⁷. Но одно бесспорно: он отбросил все связи, которые по его мнению, закабаляют человека, – «состояние¹⁸, семью, нацию, государство»¹⁹. Он был бы типичным представителем «малого народа» в смысле И.Р.Шафаревича²⁰ (какими были его коллеги по Кембриджу, о чем мы скажем далее), если бы не его «пограничное» психическое состояние. Не знаю, заметила ли это С.А., имевшая опыт общения с психически больными мужем и сыном²¹. Наверное, нет, так как иначе она поняла бы истинные мотивы того костюма, в котором Витгенштейн, доктор философии Кембриджского университета и член Колледжа Св. Троицы, явился в СССР, – в рубахе с отложным воротничком, грубых ботинках и мятых брюках, как живописует его одеяние В.П.Руднев²². То, что это было

¹⁶ Малькольм, с. 41.

¹⁷ Паскаль, с. 109.

¹⁸ Семья Витгенштейнов была очень богата, и после кончины отца, сталелитейного магната, он, в числе прочих детей, стал его наследником. От своей части наследства он отказался.

¹⁹ Сокулер, с. 9.

²⁰ См, например, *И.Р.Шафаревич. Русский народ в битве цивилизаций*. М., Алгоритм, 2003, с. 304.

²¹ После смерти матери сын покончил жизнь самоубийством.

²² Руднев – книга, с. 202. Малькольм, слушавший лекции Витгенштейна в 1939 г., уточняет: «Он всегда носил светло-серые фланелевые брюки, фланелевую рубашку с расстегнутым воротом, свитер [переводчик передал эту деталь оде-

выражением его «опрощения» в толстовском смысле, в Советском Союзе вряд ли понимали.

Витгенштейн в течение многих лет скрывал свое еврейское происхождение²³. Он не пресекал слухи о его родстве с княжеским родом Сайн-Витгенштейнов. И, как вспоминает Х.И.Кильберг, в нашей стране его так и восприняли. Однако еврейство было одной из компонент его переживаний, свидетельством чему является его «исповедь» Фане Паскаль, о которой она поведала в своих воспоминаниях²⁴, тем не менее легенда об аристократических корнях Витгенштейна упорно держалась в Англии, что и зафиксировали некрологи, появившиеся в английских газетах после его смерти.

Взглянем на эти переживания Витгенштейна с позиций православной России. Приняв во внимание, что его мать исповедовала католицизм и он был крещен как католик, что на вопрос о своем вероисповедании он отвечал – «римско-католическое» и похоронен был как христианин, нет оснований связывать его с иудаизмом. Для Православия факт крещения – тем более, когда оно не сопровождается скрытой приверженностью к еврейству, чего у Витгенштейна и в помине не было, – означал разрыв с конфессиональными корнями иудаизма. Этнический характер еврейству придавали недоверие к искренности «выкрестов» среди части русского населения старой России, пресловутый «пятый пункт» в советском паспорте и – особенно – расизм в национал-социалистической Германии. Именно последний растравил легко ранимую душу Витгенштейна.

Трудности Витгенштейн для себя создавал сам. Для Яновской они были объективной данностью. Тяжести советского быта того времени не могли не относиться и к «красным профессорам», к каковым принадлежала С.А. Когда Витгенштейн приехал в Москву, Софья Александровна жила в коммунальной квартире. Х.И.Кильберг вспоминает: «Корпус, в котором мы в 30-х годах жили бок о бок [с С.А.] (две семьи в четырехкомнатной квартире), был населен учеными – бывшими слушателями Института красной

жды словом «жакет», не подходящем для мужского костюма] из грубой шерсти или кожаную куртку. Выходя на улицу в сырую погоду, он надевал желтовато-коричневый плащ и твидовую кепку» (*Малькольм*, с. 32).

²³ Как теперь склоняются пишущие о нем зарубежные авторы, по нацистским критериям он был евреем на три четверти. Впрочем, сами блюстители чистоты «арийской расы» установить это не смогли, и отнесли семью Витгенштейнов, оставшуюся в Рейхе, к «Mischlinge», то есть к лицам с примесью «неарийской» крови.

²⁴ *Паскаль*, с. 121–124. Сама Фаня была из еврейской семьи и во время Гражданской войны в России девочкой вместе с родными покинула Харьков и обосновалась в Англии.

профессуры. К Софье Александровне часто заходили “на огонек” многие из них. Кухня служила как бы клубом. Здесь Софья Александровна принимала приходивших по делу своих аспирантов, коллег»²⁵.

С первых лет появления Витгенштейна в Кембридже о нем пошла слава «гения». Его бесцеремонное и неожиданное появление на квартире Б. Рассела в 1911 году, высказывавшиеся им идеи произвели на последнего сильное впечатление, и в начале следующего года Витгенштейн получил в Кембриджском университете статус «студента-исследователя» колледжа Св. Троицы, то есть стал тем, что у нас называется аспирантом. В 1913 г., будучи в Кембридже, Витгенштейн сочинил «Заметки по логике», которые сохранил Рассел; в 1914 г., когда Витгенштейн на несколько лет покинул английский университетский город и поселился на берегах Норвегии, он продиктовал приехавшему к нему в гости Дж. Э. Муру другие заметки о логике. Вот, собственно, и все, что из его работ, относящихся к «дотрактатовскому» периоду его творческой жизни, было известно в Кембридже²⁶.

И тем не менее новый «студент-исследователь», по свидетельству Уильяма У. Бартли III, «произвел на всех в Кембридже блистательное впечатление, стал другом самых выдающихся университетских философов, Дж. Э. Мура и Рассела, а затем был избран в

²⁵ *Х.И. Кильберг*. Верность долгу // Женщины – революционеры и ученые. Отв. ред. И.И. Минц, А.П. Ненароков М., Наука, 1992. С. 104. – Хися Израилевна Кильберг, член Коммунистической партии с 1920 г., была кандидатом исторических наук.

²⁶ Впоследствии выяснилось, что в середине десятых годов Витгенштейн делал записи на философско-логические темы, но эти его «Дневники 1914–1916 гг.» были опубликованы лишь после его кончины. Дневники составлялись в виде афоризмов с нумерацией, подобной той, которая представлена в его «Логико-философском трактате», о котором речь впереди. Ни более существенные изречения Витгенштейна в этих «дневниках» приведены в русском переводе в книге *Грязнов – Материалы*. М.С. Козлова, задумывая издание всех основных работ кембриджского философа, предполагала включить в него и эти «Дневники», а также названные выше «Заметки по логике» и «Заметки, продиктованные Муру», а именно во вторую часть издаваемого двухтомника (см. соответствующий анонс на с. 521 книги *Витгенштейн*, ч. I). Но середина 90-х годов не была благоприятной для осуществления подобных замыслов, и издательство «Гнозис» опубликовало перевод только витгенштейновских «Замечаний по основаниям математики»; на титульном листе соответствующего издания указывается, что это «книга I» части второй «философских работ» Витгенштейна, и это заставляло читателя думать, будто существует (или готовится к печати) «книга II», куда войдут остальные анонсированные работы кембриджского мыслителя. Все названные выше тексты Витгенштейна служили подготовке его «Трактата».

тайное²⁷ общество только для особо посвященных, которое называлось «Апостолы»²⁸. Если верить В.П.Рудневу²⁹, ключевую роль в приеме Витгенштейна в число «апостолов» сыграл экономист Кейнс, о котором мы еще будем говорить. Заметим, что Витгенштейн стал членом этого общества, не опубликовав ни строчки на научные темы (первая его публикация – журнальная рецензия на книгу П.Коффки «Наука логики» – появилась лишь в 1913 г.); тем не менее, по словам Руднева, молодые преподаватели Кембриджа были «поклонниками Витгенштейна»³⁰.

Получается, что Витгенштейн авансом стал «гением»³¹. Так отзывался о нем и математик Рамзей, и философ Мур. Как пишет У.У.Бартли III, еще до 1922 года, когда в Лондоне был издан «Логико-философский трактат», – на языке немецкого оригинала и в английском переводе, предваряемый предисловием Рассела³², «лучшие умы Англии готовы были почти на все, лишь бы создать Витгенштейну благоприятные условия для его дальнейшего философского роста»³³.

«Трактат», которому по предложению Мура было дано латинское название – *Tractatus logico-philosophicus*, принес, по заключению В.П.Руднева, «мировую славу» его автору; и когда в 1929 г. Витгенштейн снова приехал в Кембридж (после неудачного опыта школьной работы в Нижней Австрии), он был «легендарно знаменитым философом»³⁴. Ему создали все условия для защиты докторской диссертации, коей послужил его *Tractatus*, о котором

²⁷ Конечно, *тайным* оно было не в современном смысле – просто это было элитарное общество, закрытое для тех, кто не был в него принят.

²⁸ Бартли, с.144.

²⁹ Руднев – книга, с. 51.

³⁰ В.П.Руднев собрал обширный материал о Витгенштейне, представив его в ряде публикаций. К сожалению, сообщаемым им фактам, характеристикам людей и событий не всегда можно доверять. Так, С.А.Яновскую он именует Софьей Яковлевной, называет ее «старой диаматчицей» и «старухой» (с. 197–198, 243), тогда как она была математиком-философом, занималась историей математики и математической логикой. Эта «старуха» была почти на семь лет *моложе* Витгенштейна. Математика-прикладника В.В.Налимова Руднев аттестует как лингвиста и философа (с. 87). Удивление вызывает упорная передача Рудневым английского *proposition* термином «пропозиция», чуждым для отечественной логико-философской литературы; это тем более странно, что данному автору известно первоначальное название, которое дал Витгенштейн рукописи «Трактата», – оно гласило «Der Satz» (ср. Бартли, с.169).

³¹ Ср. название книги Р. Монка (Monk) – Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius. London, 1990.

³² Это было второе издание «Трактата». Первое вышло в Германии в 1921 г.

³³ Бартли, с. 232.

³⁴ Руднев – книга, с. 88.

Мур в официальной бумаге отозвался как о «труде гения». После этого кембриджское руководство предоставило «гению» на пять лет должность *fellow* – члена совета и преподавателя Колледжа Св. Троицы. Студентка Кембриджского университета Ф.Паскаль, в 1934 г. преподававшая Витгенштейну русский язык, вспоминает, что он был «легендой, и Кембридж полнился слухами о нем»³⁵.

Свыше половины столетия прошло с тех пор, как ушел из жизни автор «Логико-философского трактата», а взвешенной оценки его вклада в философию и науку, по нашему мнению, до сих пор нет. Если говорить о философии, то надо признать: «великий новатор философии XX столетия», как иные величают Витгенштейна, не очень ориентировался в истории философской мысли. В имеющихся источниках отмечается, что первым философским трудом, который он прочитал (по совету сестры), была книга А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление»³⁶, что он читал Платона и Августина Блаженного, Ницше и Киркьегора, знал ряд творения Достоевского и Толстого, проникся учением О.Шпенглера о «закате Запада». Как пишет фон Вригт, слушавший в Кембридже лекции Витгенштейна и составивший его биографический очерк, у Спинозы, Канта и Юма Людвиг Витгенштейн «смог понять, по его собственным словам, только отдельные места»³⁷.

Теперь о *научном* вкладе Витгенштейна. Ясно, что речь в этом случае могла идти только о математической логике, и очевидно, что он был невелик. Введение в «Трактате» таблиц истинности, истолкование логических законов как тавтологий, утверждение, что отрицание конъюнкции и отрицание дизъюнкции обладают, каждое, свойством функциональной полноты³⁸ – все это вряд ли можно считать большим достижением. Критические замечания Витгенштейна о законе исключенного третьего или его рассуждения о том, что впоследствии получило название интенциональных контекстов, носили слишком общий характер. Все это в той или иной форме было у Фреге, Рассела, Брауэра. Отсутствие у Витгенштейна существенных *математико-логических результатов* вполне понятно: математического образования, сколько-нибудь

³⁵ Паскаль, с. 102.

³⁶ Грязнов, 1885, с. 93; Козлова, с. VII.

³⁷ Вригт, с. 27.

³⁸ То свойство отрицания конъюнкции (то есть операции, выражающей несовместимость двух высказываний), что через нее могут быть выражены все функции пропозициональной логики, было еще в 1913 г., то есть до Витгенштейна, открыто Шеффером (H.M. Sheffer).

сравнимого с тем, которое давал, например, Московский университет, у него не было.

К чести Витгенштейна надо сказать, что он и не претендовал на многое. В Предисловии к своему «Трактату» он откровенно сказал, что написанное им «не претендует на новизну деталей» – даже *деталей*, подчеркнем мы, – почему он и не указывает никаких источников: ему «совершенно безразлично», думал ли кто-нибудь над теми вопросами, которые его занимают. Но о двух своих предшественниках он помнил – и постоянно напоминал о них: ими были Фреге и Рассел. Ибо критика языка – центральная проблема, вокруг которой все время вращалась витгенштейновская мысль, – являлась, если говорить о сути дела, – развитием идей «позднего Фреге», Рассел же был его учителем в Кембридже. Фрегевские «Логические исследования» были Витгенштейну, по-видимому, известны (входящую в них статью «Мысль» он получил от самого автора), и ход мысли Витгенштейна был по существу продолжением фрегевской «критики языка». Если бы автор «Трактата» ознакомился с фрегевскими манускриптами, где проблема «логика и язык» звучит в полную силу, он убедился бы в том, что обоих мучили одни и те же вопросы. Но рукописи Фреге увидели свет, когда Витгенштейна уже не было в живых...

Выше мы отметили фрагментарную философскую образованность Витгенштейна. Конечно, философией, включая ее историю, не очень владели и те математики и философы, с которыми в Москве и Ленинграде встречался Витгенштейн. Но ведь их и не аттестовали как философских гениев. Что же касается математики, то большинство из тех, кто упоминается в двух известных нам листочках его записной книжки, внесло в нее весомый, а некоторые и выдающийся вклад – достаточно назвать Колмогорова.

Следует сказать, что четыре бесспорных авторитета в философии и логике – Фреге, Рассел, Карнап и Мур дали творениям Витгенштейна весьма примечательную характеристику.

Об отношении «Витгенштейн – Фреге» мы будем говорить особо, опираясь прежде всего на изданную в 1976 г. научную переписку иенского мыслителя. Здесь же мы приведем тот отзыв Фреге о витгенштейновском «Трактате», который содержится в книге 1990 года уже упоминавшегося автора Р.Монка. Речь идет о каком-то письме Фреге Витгенштейну, которое не было известно немецким издателям фрегевского рукописного наследия. Перевод соответствующего отрывка из письма приводит В.П.Руднев, и нам остается только положиться на достоверность сведений, которыми оперируют два названных лица.

Готтлоб Фреге писал Витгенштейну: «Удовольствие от чтения Вашей книги возникает не от содержания, которое *уже известно*, но лишь от особой формы, которую избрал автор. Книга поэтому становится скорее *художественным*, чем научным достижением; То, *что* сказано в ней, занимает второстепенное место по сравнению с тем, *как* это сказано»³⁹.

Бертран Рассел в своей «Автобиографии» высказался так: «Теории, содержащиеся в работах Витгенштейна, новы, очень оригинальны и, без сомнения, важны. *Верны ли они, я не знаю*. Как логик, который стремится к простоте, я должен думать, что *нет*, но то что *я читал о них*, дает основание полагать, что у него есть все возможности разработать их»⁴⁰.

Рудольф Карнап в труде «Логический синтаксис языка» (1936) назвал вингенштейновский «Трактат» – собранием *разрозненных афоризмов*⁴¹.

Наконец, в «Автобиографии» Джорджа Мура читаем: «Я бесконечно восхищаюсь этой книгой [«Логико-философским трактатом»]. Правда, *я не все понимаю* в ней, но то, что я понял, просветлило меня»⁴².

Из приведенных слов явствует, что их авторы смотрели на творение Витгенштейна не столько как на научный труд, выражающий новые и понятные истины, сколько как на стилистическое достижение, грешащее, однако, неясностью и разрозненностью своих положений.

Подобный взгляд подтверждают воспоминания Малькольма, слушавшего Витгенштейна в 1939 году. «Мне кажется, *я почти ничего не понимал* в его лекциях, пока десять лет назад заново не пересмотрел сделанные мной тогда записи. И в то же время я, как и *все остальные*, осознавал, что Витгенштейн делает *что-то очень важное*. Все знали, что он занят решением *исключительно сложных проблем* и что его метод подхода к ним совершенно оригина-

³⁹ Руднев – книга, с. 86. Здесь и далее в цитируемых высказываниях Фреге, Рассела, Карнапа и Мура курсив наш – Б.Б., Л.Б.

⁴⁰ Цит. по статье: Шестаков, с. 151–152. Стоит заметить, что в Предисловии к витгенштейновскому «Трактату» Рассел дал более высокую оценку этому сочинению, высказав взгляд, что им не может пренебречь «ни один серьезный философ» (см. *Трактат*, 1958, с. 26). Кроме того, был период, когда Рассел находился под влиянием *личности* Витгенштейна; что же касается влияния на Рассела *мыслей* кембриджского аспиранта, то об этом вряд ли можно говорить всерьез: ведь это были идеи самого Рассела, просто представленные в иной, подчас парадоксальной форме, что и производило впечатление.

⁴¹ См. Руднев – книга, с. 98.

⁴² См. Шестаков, с. 157.

лен»; далее Малькольм добавляет, что «подход Витгенштейна был труден для понимания»⁴³.

Почему же Витгенштейн сразу прослыл в Кембридже гением, и эта репутация достигла даже сталинской Москвы (будто бы дело дошло до того, что Н.И.Бухарин, «приехав на какой-то западный конгресс, критиковал “Логико-философский трактат”»⁴⁴)? Нам видятся две причины этого. Первая заключалась в личности самого Витгенштейна. Он обладал даром того, что обычно называют фасцинацией: способностью увлекать людей своими идеями, причем как в устной форме, так и в своих чрезвычайно эмоциональных и трудно истолковываемых текстах. Приведенное нами высказывание Мура можно свести к краткой формуле – непонятно, но здорово!

Вторая причина носит социальный характер. Она просвечивает в словах Дж.О.Уиздома, которые У.У.Бартли III вынес в качестве эпиграфа к главе 4 своей работы о Витгенштейне. Из нее мы узнаем, что последний «стал известен благодаря особенным обстоятельствам: сильному впечатлению, произведенному им на Бертрана Рассела, и смелой политике Кембриджского университета, открывшему ему доступ в *философское сообщество*»; если бы не это, «мы практически ничего не услышали бы о Витгенштейне»⁴⁵.

Итак, «гения авансом» подлинно великим мыслителем считать вряд ли возможно. Но был ли Витгенштейн «дутой величиной», как можно было бы заключить из приведенных выше отзывов о нем? Мы дадим ответ на этот вопрос в конце нашей статьи. Ответ этот потребует рассказа об упомянутом выше «философском сообществе» – сообществе «апостолов», замкнутой секте «интеллектуалов», исповедовавших левые взгляды, о влиянии, которое автор «Логико-философского трактата» оказал на группу венских философов, и, конечно, о его поездке в Россию. Но прежде чем рассказывать обо всем этом, стоит задержаться на том, как Витгенштейн вообще обратился к логико-методологической проблематике. Здесь возникает имя великого иенского логика.

⁴³ Малькольм, с. 31–32, 34. Курсив наш. – Б.Б., Л.Б.

⁴⁴ См. Руднев – книга, с. 94. Любопытно было бы узнать, что это был за конгресс, где и когда он состоялся и за что Бухарин критиковал сочинение Витгенштейна.

⁴⁵ Бартли, с.232. Курсив наш. – Б.Б., Л.Б.

Людвиг Витгенштейн и Готтлоб Фреге

Мы будем отправляться от свидетельств Г. фон Вригта, ученика «позднего Витгенштейна», логика и философа, которому из многочисленных авторов, писавших о своем учителе, можно, наверное, больше всего доверять⁴⁶. Перепробовав в юности множество занятий и меняя одни интересы на другие, будущий автор «Трактата» увлекся в конце концов не более и не менее, как философией математики. Рассказывают, пишет фон Вригт, что однажды он обратился к кому-то с просьбой указать ему литературу по этому вопросу. Ему рекомендовали книгу Рассела «The Principles of Mathematics», вышедшую в Лондоне в 1903 г. Эта книга открыла для Витгенштейна новый мир, и, как предполагает фон Вригт, побудила его познакомиться с работами Г.Фреге и вступить с ним в личный контакт. Витгенштейн отправился в Иену и встретился с Фреге. Когда это произошло, точно не установлено, но очевидно, что было это не позже 1911 года. После этого Витгенштейн, следуя, по его собственным словам (засвидетельствованным фон Вригтом), совету Фреге, приехал в Кембридж к Б.Расселу; произошло это осенью 1912 года. Известно (благодаря одному письму Витгенштейна Расселу⁴⁷), что он в том же году вновь посетил Фреге. Витгенштейн собирался приехать в Иену еще раз – и в письме к Фреге от 22 октября 1913 г. просил разрешения на встречу. Однако она не состоялась. Можно предполагать, что этому помешала война.

В дальнейшем общение Витгенштейна и Фреге происходило путем переписки, которая не сохранилась из-за гибели архива Фреге⁴⁸ и скрытности Витгенштейна. Г.Шольц, готовивший перед Второй мировой войной издание избранных трудов Фреге, кратко выписал сведения о письмах и почтовых открытках, которые Фреге получал от Витгенштейна (и о двух посланиях Фреге Витгенштейну). По-видимому, в переписке были заинтересованы оба корреспондента: кембриджского аспиранта интересовали содержательные проблемы, иенский же логик, наверное, видел в этом один из путей выхода из той научной изоляции, в которой он фактически находился в Германии. Сообщается также, что Фреге будто бы писал Витгенштейну, что рад его решению заняться логикой⁴⁹.

⁴⁶ Вригт, с. 12 и далее.

⁴⁷ См.: Wittgensteins *Notebooks* (1914–1916). Ed. by G.H. von Wright and G.A.M. Anscomb. Oxford, 1961, p. 120.

⁴⁸ См. об этом: Б.В.Бирюков. Готтлоб Фреге: современный взгляд // *Г.Фреге. Логика и логическая семантика*. Сб. трудов. Перев. с нем. М., Аспект Пресс, 2000, с. 49 и далее.

⁴⁹ Руднев – книга, с. 77.

Переписка Витгенштейна и Фреге относится к 1913–1915 и 1918–1919 годам, причем в архиве Фреге хранились в основном письма и открытки, присланные ему Витгенштейном (как мы уже сказали, Шольцу были известны только два послания Фреге, адресованные Витгенштейну). Собирая фрегевский архив, Г.Шольц в письме, относящемся к 1936 г., просил Витгенштейна передать в этот архив его переписку с Фреге, но Витгенштейн ответил: «Хотя я имею несколько почтовых открыток и писем Фреге, но они имеют чисто личное, нефилософское содержание. Для сборника сочинений Фреге они не имеют *никакой* ценности; для меня же они имеют значение как память о прошлом». Попытки найти в посмертных бумагах Витгенштейна эти открытки и письма, как мы уже говорили, окончились неудачей⁵⁰.

Фреге-расселовская логико-философская традиция наложила печать на все творчество Витгенштейна, особенно в период создания им «Логико-философского трактата». Последний пестрит ссылками на Рассела и Фреге. Естественно, что Витгенштейн считал важным узнать фрегевскую оценку его сочинения.

Как можно судить по данным, которые собрал Г.Шольц, переписка началась с письма, датированного 22 октября 1913 г.⁵¹, в котором Витгенштейн просит у Фреге разрешения его посетить. Шольц приводит перечень еще 23 посланий, преимущественно от Витгенштейна к Фреге. Уже из третьего письма становится ясным, что начинающий логик не все принимал (и, наверное, не все понимал) во фрегевской концепции. В этом письме, как записал Шольц, Витгенштейн возражает против фрегевской теории истины. Комментатор переписки «Фреге – Витгенштейн» Г.Габриель, ссылаясь на «Записные книжки» Витгенштейна 1914 – 1916 гг., считает, что кембриджский аспирант отверг фрегевское онтологическое истолкование *истины* и *лжи* как предметов – «истинностных значений». Правда, как отмечается во многих источниках, Витгенштейн навсегда сохранил высокое мнение о знаменитой ныне статье Фреге «О смысле и значении», в которой предметное истолкование значений истинности составляет один из центральных пунктов.

⁵⁰ См. *G.Frege. Wissenschaftlicher Briefwechsel*. Hamburg, 1976, S. 265 (раздел XLV. Frege – Wittgenstein. Einleitung des Herausgebers [G.Gabriel]). В дальнейшем при ссылках: WB.

⁵¹ В BW это письмо носит номер XLV/1, где римская цифра указывает на то, что данное послание относится к переписке «Фреге – Витгенштейн», а арабская – на порядковый номер послания. В дальнейшем мы будем указывать только номер послания.

Все это свидетельствует об одном: Витгенштейн *не понимал* логической системы Фреге, в которой истолкование предложений как имен «истинностных значений» – *истины* и *лжи* было неотъемлемой составной частью. То, что кембриджский аспирант предлагал изъять это истолкование из фрегевской концепции логики как учения о *бытии истины*, означало одно: он не вник в главный труд Фреге – «Основные законы арифметики», семантика которого *требует* подобного истолкования. Между тем это ясно следует из всей логико-арифметической конструкции Фреге. И не очень понятно, как в голове Витгенштейна сочеталась высокая оценка фрегевской статьи «О смысле и значении» с отвержением главного ее устоя – истолкования предложений (суждений) как носителей смыслов, задающих либо истину, либо ложь как особые предметы в универсальной предметной области⁵². Это непонимание концепции истины, которое развивал Фреге, Витгенштейн пронес через всю свою творческую жизнь.

Начиная с 1915 года темой переписки становится логико-философская работа (Abhandlung) Витгенштейна, будущий «Трактат». После того, как автор этого сочинения – солдат австро-венгерской армии – попал в Италию в плен, переписка с Фреге велась преимущественно через сестру Витгенштейна, которая и послала в Иену сочинение брата. В письме от 10 апреля 1919 г. Витгенштейн просит Фреге высказать суждение о его работе. Оценку Фреге мы привели выше. Витгенштейн, конечно, с ней не согласился и написал об этом Расселу, присовокупив, что по его мнению Фреге не понял ни одной строчки в его работе. Несмотря на это переписка продолжалась, и Витгенштейн даже просил Фреге содействовать публикации его работы в Германии; иенский мыслитель предпринял соответствующие попытки, но из них ничего не получилось. В последнем письме, сведения о котором сохранились (от 29 декабря 1919 г.), Витгенштейн сообщает Фреге о своей встрече с Расселом и о том, что последний собирается опубликовать его работу в Англии.

Влияние Фреге на Витгенштейна было чрезвычайно велико – и не только в первый период его творчества (как это обычно отмечается в имеющихся источниках), но и на протяжении всей жизни: «поздний Витгенштейн», автор посмертно изданных «Логических исследований», даже ближе к фрегевским идеям, чем «ранний». Знаменитое изречение Витгенштейна, высказанное в Предисловии к «Трактату»: «то, что вообще может быть сказано, может быть

⁵² См. Б.В.Бирюков. В логическом мире Фреге // Г.Фреге. Логика и логическая семантика.

сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать»⁵³ – вполне «фрегевское». Недаром из трудов великих логиков-философов, коих в истории человеческой мысли было немало, Витгенштейн в своем Предисловии отмечает только «выдающиеся работы Фреге и моего друга Бертрانا Рассела»⁵⁴.

«Апостолы», «ангелы» и Страна советов

Вернемся, однако, к кембриджским «апостолам». Этот интеллигентский кружок, существовавший с 1820 г.⁵⁵, был сектой закрытого типа, членами которой в 20–30-х годах XX века были, по характеристике В. Руднева, «все интеллектуально одаренные, выдающиеся преподаватели Кембриджа», в том числе Дж.М.Кейнс и Дж.Э.Мур. Кружок «апостолов» пополнялся ежегодно одним – двумя новыми членами, и Витгенштейн вошел в него уже в 1912 г. В свой второй кембриджский период, когда он снова приехал в университет (1929), его на вокзале встречал сам Кейнс – одна из наиболее влиятельных фигур Кембриджа. Витгенштейн теперь был избран в число почетных членов кружка – так называемых ангелов.

Члены кружка встречались каждую неделю, и один из его участников выступал с докладом, за которым следовало обсуждение поставленных в нем вопросов. Главным принципом диспутантов был отказ от каких-либо ограничений, включая моральное должностничество, и отвержения любых табу. Следствием сектантской замкнутости был, естественно, снобизм в сочетании с амбициями и интригами. Руднев приводит, со ссылкой на соответствующий источник, слова Кейнса: «Мы отказываемся от всех вариантов доктрины первородного греха <...>. Мы не испытываем уважения к традиционной мудрости <...> мы проповедуем открытость ко всем и ко всему»⁵⁶.

«Открытость» эта, впрочем, была, скажем мягко, несколько односторонней – носила «антикапиталистический» и просоветский характер. Конечно, «апостолы» были не единственной интеллигентской группировкой в данном университетском городе. Существовал еще Клуб моральных наук, в который Витгенштейн тоже входил. К счастью, не все кембриджские преподаватели и ученые исповедовали левацкую идеологию. Существовало, например, общество физиков, в которое входил П.Капица, – его члены были

⁵³ *Трактат*, 1958, с. 29; ср. *Трактат*, 1994, с. 3.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Руднев – книга*, с. 51

⁵⁶ Там же, с. 52–53.

озабочены вопросами подлинной науки. Но не таковы были «апостолы».

Для характеристики «общества апостолов» очень подходит понятие «малого народа», как в своих культуроведческих работах его использует И.Р.Шафаревич⁵⁷, ссылаясь на современного исследователя Французской революции конца XVIII века – О.Кошена. «Малый народ» – это некий социальный или духовный слой образованных людей, осознающий свое единство (воплощенное в кружках, клубах, секциях и т.п.) и противопоставляющий себя остальному народу – обывателям. Эти люди враждебно относятся ко всему, что составляет «корни нации, ее духовный костяк» – к вере, чести, верности своему государству и его вековой истории. Внешней формой этой идеологии оказывается либерализм, ее крайней формой – нигилизм и даже предательство.

«Апостолы» того времени и были для своей страны именно таким «малым народом». В событиях на Западе они видели только «кризис» буржуазной идеологии и поэтому исповедовали прокоммунистические взгляды. Они не верили свидетельствам о чекистских зверствах и рассматривали все происходящее в России как великий социально-экономический и политический эксперимент. «Лето 1935 г.» – цитирует В.Руднев одного из авторов, писавших о Витгенштене⁵⁸, – было временем, когда марксизм для людей, обучавшихся в Кембридже, стал наиболее важной интеллектуальной силой, а поездки в Советский Союз студентов и преподавателей университета носили характер паломничества⁵⁹.

Это были годы, когда из-за прихода к власти в Германии национал-социалистов популярность коммунистической России достигла своего пика, а шпионаж в пользу СССР стал в Кембридже надолго некоей модой. Прокоммунистическая эпидемия не могла не затронуть Витгенштейна. Фаня Паскаль, обучавшая его русскому языку, была женой французского коммуниста и членом Комитета «дружбы с СССР». Истовым коммунистом был друг Витгенштейна Н.М. Бахтин (брат известного советского культуролога М.М.Бахтина)⁶⁰.

⁵⁷ И.Р.Шафаревич. Сочинения: В 3 т. Том 2. М., 1994, с.113–119.

⁵⁸ R.Monk. Op. cit., 1990.

⁵⁹ Руднев – книга, с. 191.

⁶⁰ Как мы узнали от некоторых сотрудников ВИНТИ, в зарубежной литературе проскользнуло сообщение, будто Витгенштейн был советским шпионом. З.А.Сокулер (в частном разговоре) высказала соображение, что этого не могло быть в силу особенностей его личности. Действительно, платным агентом НКВД быть он не мог, так как безразлично относился к деньгам, а просоветские убеждения у него не переросли в коммунистические. Кроме того он был психически слишком неустойчив, а таких разведка не вербует. И, конечно, ни

Конечно, мировоззрение «апостолов» было неоднородным. Другой друг Витгенштейна – итальянский экономист-антифашист П.Сраффа в вопросах политэкономии расходился с Марксом. Сам Витгенштейн имел о марксизме весьма поверхностное представление: почитывал «Капитал», но об Энгельсе не слыхивал. Ленина считал «философским примитивом»; но, называя его философию «абсурдом», с похвалой отзывался о нем за то, что он «все же хотел что-то сделать»⁶¹. Его не возмущал советский режим, он хвалил Сталина за то, что «он дал людям работу»⁶², а цивилизацию страны, которая гостеприимно его приняла и позволяла ему проповедовать свои идеи, осуждал.

Более того, Витгенштейн подспудно симпатизировал Гитлеру – с ним он когда-то учился в одной школе; и о своем бывшем соученике он ведь тоже мог сказать, что тот «дал людям работу»; во всяком случае в гитлеровской книге *Mein Kampf* он был склонен видеть «нечто дельное книга»⁶³. В свете подобных взглядов уже не удивляет, что ему нравилась О.Бисмарка «Мысли и воспоминания»⁶⁴, а прежняя имперская Австро-Венгрия была окрашена для него в светлые тона: левацкие настроения сочетались у Витгенштейна с известным консерватизмом. Как видно, взгляды Витгенштейна по ряду пунктов выпадали из идеологии «апостолов».

Витгенштейн и Россия

Россия занимала мысли Витгенштейна по крайней мере с того времени, как он познакомился с переводом толстовского «Евангелия» – такого изложения учения Христа, в котором отвергалась богочеловеческая сущность Спасителя. Толстовское отрицание

к каким военным либо политическим секретам в Англии он допущен не был. Но вполне можно предположить, что он оказывал те или иные услуги советским агентам в Кембридже, не очень сознавая политический смысл своих поступков.

⁶¹ См. *Шестаков*, с. 155; *Руднев – книга*, с. 345.

⁶² *Руднев – книга*, с. 344.

⁶³ См. *Руднев – послесловие*, с. 344.

⁶⁴ Эта книга была издана в русском переводе после пакта Молотова – Риббентропа, в период сближения двух социалистических держав. Предисловие к ней написал профессор истории, германист и журналист-международник А.С.Ерусалимский. Как свидетельствует А.В.Гулыга, предисловие это внимательно читал Сталин, принял его автора и посоветовал характеристику Бисмарка – «прусский юнкер» заменить на «великий юнкер» (*А.В.Гулыга. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке (Фрагменты воспоминаний)*. СПб, «Алетейя», 2000, с. 389 – 390). Очевидно, что издание этой книги могло быть только с одобрения либо по инициативе «великого кормчего». Совпадение вкусов Витгенштейна и Сталина достаточно примечательно.

цивилизации импонировало Витгенштейну, смотревшему на Запад глазами Освальда Шпенглера. В 1922 г. он писал одному из своих корреспондентов: «Бог знает, что станет со мной, может быть, я поеду в Россию». Россия привлекала Витгенштейна и своей «цивилизационной молодостью», и теми страданиями, которые выпали на ее долю, – страдания, которые, по убеждению «кембриджского гения», обещали «нечто в будущем»⁶⁵.

Задуманная Витгенштейном в середине 30-х годов поездка в Советский Союз была бегством от западной цивилизации. Последней он противопоставлял как культуру тех этносов, которых антропологи и этнографы относили к «первобытным» племенам⁶⁶, так и «динамизм» русских: «А вот Россия, – читаем мы в одном источнике его слова, в которых Россия выступала как альтернатива Америке. – Здесь страсти что-то обещают», в то время как «наша болтовня бессмысленна»⁶⁷.

Готовясь к поездке в страну большевиков (а может быть, и к переселению в нее), Витгенштейн взялся за изучение русского языка. Его учительница русскому, Фаня Паскаль, занималась с ним три кембриджских семестра, и Витгенштейн настолько овладел новым для него языком, что прочитал «Преступление и наказание» Ф.М.Достоевского в оригинале. Иные творения гениев русской литературы Толстого и Достоевского («Воскресенье», «Хаджи Мурат», «Братья Карамазовы») он, судя по всему, читал в переводе; надо полагать, что прочитанное им толстовское «Много ли человеку земли надо?» было ему особенно близко.

Другой формой подготовки к поездке было знакомство с теми, кто уже побывал в СССР, а также с западными коммунистами и «друзьями СССР». Чтобы получить разрешение советских властей на эту поездку, Витгенштейн попросил Кейнса рекомендовать его советскому полпреду (то есть послу) в Великобритании – И.М.Майскому⁶⁸ и устроить его встречу с ним. Известно, что

⁶⁵ См. Паскаль, с. 129; Руднев – послесловие, с. 344.

⁶⁶ Это нашло выражение в его «Заметках» об известном труде Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». Ныне эта работа Витгенштейна издана в русском переводе в «Историко-философском ежегоднике-89» (М., 1990).

⁶⁷ Цит. по статье: Шестаков, с. 15; Руднев – послесловие, с.344.

⁶⁸ Иван Михайлович Майский (1884–1975) был деятелем революционного движения в России, но в члены компартии был принят лишь в 1921 г. Дипломат, он до поста полпреда в Англии (советские послы в зарубежных странах тогда именовались «политическими представителями»; термин *посол* был отвергнут как «буржуазный»), который занимал в 1932–1943 гг., возглавлял советскую миссию в Финляндии. Репрессированный в годы войны с Германией, он два с половиной года провел в советской тюрьме; исключенный из партии, он фигурировал даже на судебном процессе Л.Берии. Реабилитиро-

Кейнс написал лондонскому представителю советской России: «Дорогой сэра Майский. Позвольте рекомендовать Вам Людвигу Витгенштейна, феллоу Тринити-колледжа [Колледжа св. Троицы] в Кембридже. Доктор Витгенштейн – выдающийся философ и очень давний и близкий мой друг. <...> Он не член коммунистической партии, но он очень симпатизирует тому образу жизни, который, как он уверен, установлен в России»⁶⁹. Майский принял Витгенштейна, который просил его не только о содействии в получении визы для планировавшейся им поездки, но и о сведениях (и, возможно, рекомендациях), относящихся к тем учреждениям, которые он хотел посетить в советской России, а также о лицах, с которыми он мог бы вступить в контакт. Обещав Витгенштейну свое содействие, советский полпред тем не менее указал, что речь может идти только о туристической визе.

Вопрос о мотивах вояжа Витгенштейна в страну большевицкой революции – один из самых темных. Из имеющихся на этот счет данных следует, что он не собирался заниматься в СССР ни философией, ни математикой, – но именно с математиками и философами встречался в Москве и Ленинграде. В одном из писем, адресованных Кейнсу, Витгенштейн писал: «Я уже решил поехать в Россию в качестве туриста и попытаться найти там, возможно, для себя работу. Если я обнаружу, что не смогу найти там работу или не получу разрешения на работу в России, я вернусь в Англию и, возможно, начну изучать медицину <...> я хочу поехать в Россию и получить разрешение работать там в качестве врача»⁷⁰. Имеются данные, что Витгенштейна интересовали в России народы Крайнего Севера, и, по-видимому, именно там кембриджский философ мыслил найти сферу своей деятельности. Ему стало известно о существовании в Ленинграде и Москве соответствующих научных институтов – «Института Севера» в первом из этих городов, и «Института малых народов» – во втором. В литературе о Витгенштейне утверждается, что по приезду в СССР он посетил ленинградский институт и был готов отправиться в экспедицию для изучения языка и культуры северных народностей⁷¹, но документальные данные об этом отсутствуют. Известно только (благодаря

ванний, Иван Михайлович только после длительных хлопот был восстановлен в своих партийных правах. Сомнительно, чтобы в середине 30-х годов он пользовался большим влиянием в Москве. Во всяком случае Витгенштейну он мог обещать только туристическую визу, что вряд ли нравилось кембриджскому философу, который ехал в СССР с серьезными намерениями.

⁶⁹ Цит. по статье: *Шестаков*, с. 154.

⁷⁰ Там же, с. 153–154.

⁷¹ *Руднев – послесловие*, с. 343.

сообщению М.С.Козловой, которая беседовала о Витгенштейне с Т.Н.Горнштейн), что Витгенштейн прибыл в Россию в составе туристической группы.

В сведениях о пребывании Витгенштейна в СССР много недостоверного. Утверждается, например, что он пробыл в Советском Союзе «около 20 дней»⁷², тогда как простой расчет показывает, что на советской земле он провел гораздо меньше времени. Бытует легенда – ее повторяет Руднев, – будто кембриджский философ успел съездить в Казань, однако никаких документальных подтверждений этому нет. Ходил даже слух, что «кембриджский гений» в 1939 г. еще раз посетил СССР, что уж совсем неправдоподобно.

Два листка из записной книжки кембриджского «ангела». Витгенштейн и советские математики

В конце декабря 2003 г. на философском факультете МГУ состоялось объединенное заседание методологических семинаров двух кафедр – эстетики и логики, посвященное анализу философских взглядов Витгенштейна. В числе докладчиков на этом заседании был В.П. Шестаков⁷³, работавший в Кембридже и собравший обширный материал об этом философе. Его рассказ о Витгенштейне, как его помнят в современной Англии, был живым дополнением к тому, о чем Шестаков писал в упомянутой нами статье. В.П. снял ксерокопии двух листков записной книжки Витгенштейна, относящихся к пребыванию последнего в СССР. К этим листкам мы и обратимся. Предварительно, однако, остановимся на хронологии вояжа кембриджского «гения» в страну большевиков.

Витгенштейн отплыл из Великобритании на корабле 7 сентября 1935 г. и прибыл в Ленинград 12 числа того же месяца. Значит, морское путешествие заняло у него не менее пяти дней. Как следует из письма, посланного им из Москвы в Англию одному из своих корреспондентов за два дня до отъезда из советской столицы, корабль должен был доставить его обратно в Англию в вос-

⁷² Шестаков, с. 155.

⁷³ Вячеслав Павлович Шестаков (р. 1935), специалист в области истории эстетики и культурологии, д-р философских наук, в 1958–1964 гг. в качестве научного редактора философской редакции издательства «Советская энциклопедия» участвовал в создании первых трех томов «Философской энциклопедии», где ведал, в частности, разделами этики и эстетики. Там путь В.П. пересекся с путем одного из авторов этих строк, который тоже принимал участие в этом энциклопедическом памятнике своей эпохи.

кресенье 29 сентября⁷⁴. Получается, что отплыть из города на Неве он должен был никак не позже 25 числа того же месяца. Даже если принять, что морской путь из советской России в Англию занял меньше времени, чем путь из Англии в Россию, то и тогда выходит, что пребывание Витгенштейна в Советском Союзе заняло от силы 13 дней. И Шестаков, и Руднев утверждают, что прибыв в Ленинград, Витгенштейн посетил Институт Севера и Ленинградский университет, где его принимала Т.Н.Горнштейн. Как будет ясно из дальнейшего изложения событий, это последнее утверждение ошибочно. Затем Витгенштейн оказался в Москве (наверняка прибыв в столицу ночным поездом типа «Красной стрелы»), где его опекала С.А.Яновская. Из Москвы он возвратился в Ленинград и через день (максимум два дня) отбыл к берегам туманного Альбиона. Было ли у него время для вояжа в Казань? Вряд ли, так как это могла быть только поездка поездом: пассажирское авиасообщение с этим городом тогда вряд ли существовало. Таким образом, времени для посещения Казани у Витгенштейна не было.

Все это нуждается в проверке, и для этого у нас имеются два источника: листки из записной книжки Витгенштейна и рассказ Татьяны Николаевны Горнштейн о встрече с кембриджским гостем – рассказ, который она много лет назад (напомню, что скончалась Т.Н. в 1980 году) поведала Марие Семеновне Козловой.

Мы начнем с записной книжки кембриджского гостя, точнее, с тех двух листков из нее, которые имеются в нашем распоряжении. Книжка эта представляла собой то, что ныне называется ежедневником – ежедневником карманного размера, причем приспособленным, по-видимому, для использования преподавателями и студентами Кембриджского университета. Типографски выполненная, она содержала не только разбивку на месяцы и дни недели, но и помету дней поста, а также имена святых, чтимых в данный день; правая часть пространства, отведенного для каждого дня, содержала сведения о характере соответствующего периода университетской жизни. Листки, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что Витгенштейн совершал свой вояж в каникулярное время – на листках правый их столбец озаглавлен «Long Vacation».

На первом листке мы находим даты 18 – 21, на втором – 22, 23 и 24 сентября. Из почтовых отправок Витгенштейна, адресованных его корреспондентам в Англии, устанавливается, что 17 и 18 сентября он был в Москве, однако в ежедневнике среда 18 сен-

⁷⁴ Соответствующий отрывок из этого письма приведен в книге В.Руднева (с. 199) – со ссылкой на уже упоминавшуюся нами книгу Монка 1990 года.

тября ничем не отмечена; запись же на следующий день содержит цифры, которые, судя по всему, означают телефонный номер, причем домашний, так как перед ними написано слово «Home»⁷⁵. Зато остальные дни были, как следует из записей Витгенштейна, очень насыщенными: мы находим здесь названия учреждений и имена лиц, которые, судя по всему, были названы как специалисты, встреча с которыми его могла интересовать. Записи сделаны почти исключительно по-русски (две пометы по-английски нам расшифровать не удалось).

В записи на 20 сентября, пятницу, в правой части соответствующей графы фигурируют «Арбат» и «Усачевка», время – 3²⁰, а также помета «12 Autobus»; в левой же части мы находим слово, прочитанное нами как «Sesane», и номер телефона 3-34-33; возможно, это был телефон кого-то из «кураторов» их туристической группы. Под этой записью значится: «Office Дворец труда 546».

На улице Усачевка, как нам известно, в 40-х и последующих годах размещался физико-математический факультет МГПИ им. В.И.Ленина, и можно полагать, что и в 30-е годы там располагались аналогичные учебные и научные структуры. С некоторыми из математиков, имена которых мы находим в записной книжке Витгенштейна, последний мог встречаться именно на Усачевке или где-то поблизости, например в «Академии Коммунистического воспитания», размещавшейся недалеко от этой улицы. Понятной кажется и запись «Дворец труда 546». Имелось в виду построенное до войны здание ВЦСПС за Калужской заставой (ныне – Площадь Гагарина), существующее поныне, а «546», наверное, означало номер кабинета, где его должны были принять. «Дворец Труда» был тогда одиноким (и гигантским по масштабам тех лет) зданием, за которым расстились поля одного подмосковного совхоза⁷⁶.

Что можно усмотреть в этой витгенштейновской записи? – Двойственный характер интересов ее автора. С одной стороны, Витгенштейн устанавливал контакты с советскими математиками (как мы убедимся из последующих его записей – математиками, которых, в числе прочего, занимали философские вопросы их

⁷⁵ Правда, цифр пять, а нам известно, что во второй половине 30-х годов пятизначный номер в Москве предварялся буквой. Возможно, все телефонные номера, которые записывал Витгенштейн, начинались с одной и той же буквы, почему он ее и не выписывал. В отличие от номеров московских телефонов, ленинградский номер домашнего телефона Т.Н.Горнштейн, выписанный Витгенштейном, начинался с буквы Б.

⁷⁶ Старшему из авторов этих строк, курсанту Курсов радиоспециалистов при заводе № 2 НКО СССР, довелось летом 1942 года работать по воскресеньям на этих полях.

науки). С другой стороны, через советские профсоюзы он, видимо, пытался выяснить перспективы своего трудоустройства в СССР. Эта попытка, как мы знаем, кончилась ничем, хотя мысль переселиться в Россию снова всплыла в его голове в страшном 1937 году⁷⁷.

Записи, относящиеся к субботе 21 сентября, наиболее информативны. Во-первых, мы находим здесь перечень тех лиц, которые, судя по всему, были ему названы как ученые, общение с которыми могло входить в его интересы. В правой части листка в столбик выписаны фамилии – Яновская, Выгодский, Варьяш, Колмогоров, Гливенко, Жегалкин, Юшкевич и сбоку – номер телефона, с помощью которого Витгенштейн, по-видимому, мог с ними договариваться о встречах.

Фамилии Яновской, Гливенко, а также Юшкевича (в левой части листка), подчеркнуты. Под этим же числом значится: «11 в Институте Мат[ематики]. Конференцзал». По-видимому, имелся в виду Институт математики и механики МГУ; что касается «конференц-зала», то им мог быть один из залов в здании по улице Волхонка, д. 14, где размещался Институт красной профессуры, а «11», скорее всего было указанием времени какого-то заседания или приема, на который Витгенштейн был приглашен. Интересно, что ниже записан телефон 45 216 и «Юшкевич»; не договаривался ли Витгенштейн с ним о встрече, которая, судя по записи на следующий день, должна была состояться как раз в 11 часов утра?

Имя Софьи Александровны Яновской не зря выписано Витгенштейном первым. С.А., судя по всему, отвечала за прием иностранного гостя, и это могло быть либо прямым партийно-государственным поручением, либо ответом на инициативу иностранного гостя, и тогда С.А. не могла не ставить об этом в известность соответствующие «инстанции». По-видимому, на Яновской лежала ответственность за прием кембриджского «ангела», причем не только в период пребывания его в Москве, но и в СССР в целом. Иначе как она могла, как сообщил Витгенштейн Фане Паскаль (через своего друга Ф.Скиннера), предлагать ему место профессора в Казанском университете?

Список лиц в Москве, который мы находим в записи на субботу 21 сентября, несет на себе печать отчетливого влияния Яновской. Ко всем названным в нем ученым (кроме, быть может, Варьяша) С.А., как нам известно, относилась с огромным уважением. Обращает на себя внимание то, что в витгенштейновском списке нет имени Э.Кольмана. Это странно, так как он был соавтором

⁷⁷ Витгенштейн высказал ее в письме к П.Энгельману, см. *Шестаков*, с. 155.

С.А. по ряду публикаций, содержавших критику «идеализма в математике», и готовил тогда философско-математическую монографию⁷⁸. Как рассказывала потом С.А., она была против издания этой книги, так как считала ее научно недостаточно зрелой, но автор не внял ее совету⁷⁹. Может быть, поэтому она не назвала Витгенштейну его имени? Или Кольмана тогда просто не было в Москве?

Известно, что С.А. принимала Витгенштейна у себя дома, правда, на кухне коммунальной квартиры. Уже упоминавшаяся нами соседка Яновской по этой квартире – Х.И.Кильберг вспоминает оживленный спор Софьи Александровны с Витгенштейном, происходивший на кухне. «После ухода Витгенштейна, – пишет Кильберг, – шутя, я заметила, что уж этого отпрыска имперской династии следовало поить чаем не на кухне. Последовала реплика Софьи Александровны: “И не подумаю делать для него исключение”»⁸⁰. Этого «исключения» делать было нельзя прежде всего потому, что общение с иностранцем в советских условиях должно было быть при свидетелях, максимально публичным.

Иногда в литературе о Витгенштейне можно прочесть, что Яновская с ним «много и плодотворно общалась». Листки записной книжки автора «Логико-философского трактата» этого не подтверждают: на это у Витгенштейна просто не было времени. Правда, в нашем распоряжении нет дневниковых записей на 12–17 сентября. Но, по-видимому, в них не было ничего существенного, иначе, думается, В.П.Шестаков ксерокопировал бы и их. Однако ясно, что из всех советских ученых и «партийных товарищей» Витгенштейн ближе всех познакомился именно с С.А., так как встречался с ней не только в официальной обстановке, но и видел ее в домашних условиях, узнал о ее болезни – сахарном диабете, а вернувшись в Англию, переписывался с ней, присылал ей лекарства, которые в Москве тогда было трудно достать. Ф.Паскаль вспоминает слова Витгенштейна о Яновской, что она

⁷⁸ Имеется в виду книга: Э.Кольман. Предмет и метод современной математики. М., Соцэкгиз, 1936.

⁷⁹ Мы полагаем, что С.А. коробили нападки Кольмана на великого русского математика Н.Н.Лузина, которому в книге приписывался «черносотенный образ мыслей» и «дурман» субъективного идеализма и солипсизма (см. с. 290). Заметим, кстати, что Кольман дважды упоминает в своей книге Витгенштейна – один раз, так сказать, снисходительно полуположительно, а другой раз – отрицательно, называя его «Трактат» – «библией венских махистов» (см. с. 257, 266).

⁸⁰ Женщины – революционеры и ученые, с. 104. Как видно, в СССР тогда считали, что автор «Логико-философского трактата» был знатного австро-венгерского рода.

замечательный человек, что у нее была трудная жизнь и что она воспитывает маленького сына. Почему С.А. не сохранила письма (или открытки), которые ей посылал Витгенштейн, понятно. В случае ареста это могло вылиться обвинением в «связи с заграницей». К сожалению, и Витгенштейн, по-видимому, не сохранил ничего из того, что писала ему С.А. (во всяком случае в имеющейся литературе об авторе «Логико-философского трактата» конкретных данных о его переписке с С.А. мы не обнаружили). Причина тому – уже отмеченная нами скрытность кембриджского «ангела».

Вернемся к листкам записной книжки Витгенштейна. В графе «Воскресенье. 22 сентября» фигурирует какой-то «Зал заседаний» и запись – «11 Юшкевич» и «11³⁰ Гливенко». Возникает вопрос, могло ли в воскресенье в Москве состояться какое-либо мероприятие. Это вполне возможно, если в 1935 г. еще действовал введенный после революции календарь, по которому месяцы разделялись не на недели, а на пятнадцатидневки. Если же страну уже вернули к обычному календарю, то прием иностранца в общественном месте («зал заседаний») хотя и выглядит странным, на деле же вполне возможен. Известно, например, что партийные собрания в те годы могли продолжаться несколько дней и захватывать воскресенье. А у Витгенштейна время пребывания в СССР было, по-видимому, ограниченным.

Цифры «11» в случае Юшкевича и «11³⁰» в случае Гливенко естественно понять как обозначение времени встречи с названными лицами. Анализируя запись на следующий день, 23 сентября, мы первоначально предположили, что она относится к Ленинграду, так как названной там улицы «Малые кошки», насколько нам известно, в Москве не было. К этому вопросу мы еще вернемся.

Теперь обратимся к тем лицам, фамилии которых фигурируют в записях Витгенштейна, относящихся к Москве. О двух из них (не считая Яновскую) мы уже говорили, это Гливенко и Колмогоров, которым тогда было одному 38, а другому 32 года. Теперь об остальных персоналиях. Иван Иванович Жегалкин был профессором «старого покроя»: в 1935 г. ему было 66 лет; он был автором первой в СССР монографии о канторовском учении о множествах, специалистом в области математической логики. Марк Яковлевич Выгодский и Адольф Павлович Юшкевич были историками математики. Они принадлежали уже к советской поросли: первому из них было тогда 37, а второму 29 лет. Что касается Шандора Варь-

яша⁸¹, то этот бывший венгерский коммунист был с 1932 г. профессором механико-математического факультета МГУ.

Виделся ли, разговаривал ли Витгенштейн со всеми, чьи фамилии выписаны в его записной книжке? Полного ответа на этот вопрос мы никогда не получим. Кроме Яновской здесь более или менее уверенно можно говорить лишь о Юшкевиче и Гливенко: как следует из записи на воскресенье 22 сентября, с А.П. и В.И. предполагалась встреча в интервале от 11 до 13 часов дня.

Прежде чем говорить о том, что могло и что не могло быть предметом разговоров Витгенштейна с советскими учеными, подчеркнем следующее обстоятельство. Все они (кроме, пожалуй, Варьяша) были, несмотря на молодость⁸², профессионалами в своих научных областях и этим отличались от многих кембриджских коллег Витгенштейна. Конечно, в Кембридже были такие математики, как Г.Харди, и такие логики, как Б.Рассел и Ф.Рамзей. Но все же среди «апостолов» преобладали личности «разговорного жанра». Учитывая этот факт, а также скромную математико-логическую образованность Витгенштейна (трудно представить, чтобы он одолел трехтомные «Principia Mathematica»), мы можем дать ответ на вопрос, что *не могло быть* предметом его обсуждений с советскими учеными.

В.И.Гливенко и А.Н.Колмогоров в своих знаменитых публикациях 20-х – начала 30-х годов впервые исследовали семантическую сторону логических установок Брауэра и предложили аксиоматизацию интуиционистской пропозициональной логики. Примечательно, что статьи Гливенко «О логике Брауэра» и «О некоторых аспектах логики Брауэра» (1928 и 1929 гг.) были опубликованы по-французски в трудах Бельгийской Академии наук, а из двух статей Колмогорова («О принципе tertium non datur», 1925, и «К истолкованию интуиционистской логики», 1932) вторая, наиболее важная, где было представлено колмогоровское «исчисление задач», предвосхищавшее семантику «реализуемости» Клини, увидела свет по-немецки – в известном журнале «Mathematische Zeitschrift». Витгенштейн, таким образом, вполне мог ознакомиться с тем, сколь серьезно русские математики относились к логическим воззрениям Брауэра. Но, насколько нам известно, данные в пользу того, что он это сделал, отсутствуют.

В «Логико-философском трактате» нет никаких следов влияния брауэровского (нео)интуиционизма. Правда, с середины

⁸¹ Варьяш, 1885 года рождения, именовался в советской России «Александром Ивановичем».

⁸² Кроме Жегалкина и Варьяша Витгенштейн был *старше* всех остальных московских математиков, упомянутых в его записной книжке.

20-х годов Витгенштейн находился в контакте с членами Венского кружка, которые не могли не знать о Брауэре. В марте 1929 г. последний выступил в Вене с докладом «Математика, наука и язык», и Витгенштейн на нем присутствовал. Идеи Брауэра произвели на Витгенштейна сильное впечатление. Будем, однако, помнить: Брауэр – тогда, во всяком случае, – отвергал возможность формализации интуиционистских представлений о логике. За рубежом этим впервые занялся А.Гейтинг (особенно значимы здесь две его публикации 1930 г.). Нет оснований полагать, что они были известны Витгенштейну. Таким образом, Витгенштейн не был готов обсуждать с советскими учеными *конкретные* вопросы интуиционистской логики. Как явствует из изданных посмертно его «Замечаний по основаниям математики», он в трактовке закона исключенного третьего навсегда оставался в рамках общих слов. Это ясно видно из следующего критического пассажа, касающегося данного закона: «Если некто устанавливает закон исключенного третьего, то он как бы предлагает вам выбирать из двух картинок, говоря, что одна из них должна соответствовать факту. А что если сомнительна сама применимость здесь данных картинок?»⁸³.

Что же мог извлечь Витгенштейн из доклада Брауэра? По-видимому, то, что голландский математик и мыслитель отвергал концепцию логицизма – сведения математики к формализованной логике, – у истоков которой стоял Фреге и которая в развернутом виде была представлена в работах Рассела. Для Витгенштейна открылось, что подход его философско-логических учителей – не единственно возможный, да, наверное, и не самый убедительный. А известный брауэровский тезис, согласно которому математика есть не учение, а *деяние*, шел в унисон с афоризмом 4.112 «Трактата»: «Философия не теория, а деятельность».

Здесь было о чем спорить с советскими товарищами. Ведь они – и Гливенко, и Колмогоров, и Яновская – отвергали философские основания и интуиционизма, и логицизма, признавая, однако, важность формализации логики. Они критически относились и к логическому позитивизму членов Венского кружка. Не об этих ли логико-философских направлениях спорил Витгенштейн с Яновской, когда она угощала его чаем на кухне московской коммунальной квартиры?

Мы вряд ли ошибемся, если скажем: в центре обсуждения Витгенштейна с советскими математиками были вопросы о том, что такое философия, математика и логика. Но прежде чем говорить

⁸³ А.Ф.Грязнов. Сочинение, указанное в примеч. 2, с. 83–84.

об этом остановимся на других персоналиях, фигурирующих в записной книжке кембриджского гостя.

И.И.Жегалкин творчески работал в математической логике, где получил интересные результаты. В данном контексте существенно, что предложенная им формализация пропозициональной логики как кольца вычетов по модулю 2 – мы имеем в виду его известную работу 1927 года – заменяла мучительные доказательства теорем пропозициональной логики в аксиоматическом исчислении «Principia mathematica» вычислениями в очень простой «арифметике четного и нечетного»⁸⁴. Вряд ли значимость подобной «технической» работы, так же как и проведенного затем Жегалкиным исследования проблемы разрешения для исчисления (одноместных) предикатов, могла бы быть понята Витгенштейном (то же можно сказать и о работе в важной для логики теории решеток, называвшихся в то время структурами, которой тогда занимался Гливенко).

М.Я.Выгодский был участником работы по изданию на русском языке (с фундаментальными комментариями) знаменитых «Начал» Евклида. К тому времени он уже был автором публикаций по истории математики на Древнем Востоке и в Элладе, изучал развитие математической мысли в XVIII веке (Эйлер, Монж). В 1935 г. он вместе с С.А.Яновской стал руководителем научно-исследовательского семинара по истории математики. А.П.Юшкевич только начинал свой путь в математической историографии, но уже был автором оригинальных работ по истории обоснования математического анализа. Впоследствии он вырастет в специалиста мирового масштаба. Что касается Ш.Варьяша, то он читал в МГУ лекции по истории и философии механики и математики⁸⁵. Весьма существенно, что в сферу научных интересов и Выгодского, и Юшкевича, и Варьяша входила философско-математическая проблематика.

Теперь вернемся к тому, *что могло быть* содержанием дискуссий между Витгенштейном и советскими математиками. В освещении этой темы мы поступим следующим образом: постараемся выявить те положения советской школы философско-математиче-

⁸⁴ См. С.А.Яновская. Математика в СССР за тридцать лет. 1917–1947. М.–Л., Гостехтеоретиздат, 1948, с. 34–36; Б.М.Шуранов. Иван Иванович Жегалкин: вклад в математическую логику // Вестник Международного Славянского университета. Вып. 4. М., 1998, с. 31–33..

⁸⁵ См. Е.В.Зорина, П.В.Алексеев. Варьяш Шандор // П.В.Алексеев. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., «Академический Проект», 2002 [за грифом «МГУ им. М.В.Ломоносова 250 лет»], с. 165.

ской мысли, которые были заведомо (или возможно) неприемлемы для Витгенштейна, и те положения витгенштейновского понимания философии и логики, которые резко отвергались в советской России.

Для советских математиков был неприемлем «логический атомизм» Витгенштейна – взгляд, будто мир состоит из не связанных друг с другом «атомарных» фактов и отвечающих им «атомарных предложений». Они не могли принять и установку Витгенштейна смотреть на мир глазами субъекта и считать «миром» то, что явлено в том языке, которым пользуется субъект. Для них, мягко говоря, выглядело странным то, что кембриджский философ все-речь рассуждает о солипсизме и утверждает, будто последний, если его строго провести, «совпадает с чистым реализмом» (афоризм 5.64), хотя «мыслящего, представляющего субъекта не существует» (афоризм 5.631). Не менее странными в их глазах должны были казаться и рассуждения кембриджского гостя о «мистическом» как лингвистически невыразимом.

Наверняка советских математиков удивляло отношение кембриджского философа к математической логике, проникновение которой в математику он назвал «проклятием», утверждая, будто «Математическая логика» совершенно деформировала мышление математиков и философов, объявляя поверхностное толкование форм нашего повседневного языка анализом структуры фактов. Разумеется, здесь она лишь продолжила сооружение аристотелевской логики⁸⁶. В нашей стране математическая логика только осваивалась (хотя в ней уже были получены важные результаты), к ней относились серьезно, никто и не думал рассматривать ее как науку, занимающуюся «анализом структуры фактов».

Столь же неприемлемым для ученых в Москве и Ленинграде был скепсис Витгенштейна относительно перспективности исследований по *основаниям* математического знания. Если в Москве или Ленинграде он развивал мысли, подобные тому, о чем он позже записал в своих «Замечаниях...», – о том, что математические проблемы «так называемых оснований в столь же малой степени лежат для нас (то есть для Витгенштейна. – Б.Б., Л.Б.) в основе математики, в какой нарисованная скала несет на себе нарисованную крепость»⁸⁷, – его советские слушатели могли в ответ на это

⁸⁶ *Витгенштейн*, ч. II, кн. I, с 164. Это – слова из витгенштейновских «Замечаний по основаниям математики», которые он начал писать вскоре после возвращения из России, а именно в 1937 г. Можно быть уверенным, что подобные идеи бродили в его голове и когда он был в России.

⁸⁷ До Витгенштейна Герман Вейль в предисловии к своему знаменитому «Континууму» (1918) применил сходный образ – он говорил о «деревянных

только развести руками. А на парадоксальное рассуждение: «Но разве *фрегевская* логика не становится из-за противоречия непригодной для обоснования арифметики? Становится! Но кто же утверждал, что она должна быть пригодной для этой цели?!»⁸⁸ – у собеседников гостя из Кембриджа был готовый ответ: это утверждал сам Фреге, а также Рассел, исправляя его систему путем введения теории типов, да и целые поколения специалистов по основаниям математики XX века тоже.

Советские математики не могли также принять витгенштейновского отрицания причинности, его утверждение, будто «вне логики все случайно» (афоризм 6.3). Этот взгляд резко контрастировал с пониманием мира как объективной реальности, находящейся в развитии и подчиняющейся самым разным закономерностям, включая закон причинности, – пониманием, которого они твердо придерживались. Вполне статичному «миру» Витгенштейна они противопоставляли мир, находящийся в диалектическом развитии. Именно в этом контексте С.А. Яновская, наверное, говорила о Гегеле (что Витгенштейн воспринял как совет читать его труды); а если кембриджский гость беседовал с Варьяшом, то наверняка услышал от него нечто подобное, так как Варьяш серьезно относился к диалектической логике. Мы не говорим уже о том, что в стране, власти которой стремились все подчинить планированию, мысль Витгенштейна о том, что события будущего не могут выводиться из событий настоящего (афоризм 5.1361), что существует только *логическая* необходимость (афоризм 6.37), выглядела дикой (а в применении к советским реалиям – контрреволюционной). Можно представить себе, что чувствовали бы московские собеседники Витгенштейна, если бы он стал развивать перед ними эти свои идеи.

Вообще, если в дискуссиях с Витгенштейном затрагивались вопросы, даже косвенно связанные с официальной идеологией «текущего момента», то его советские оппоненты не могли не поеживаться. Например, Витгенштейн, как мы уже говорили, принимал взгляды О.Шпенглера, а это имя тогда было рискованно даже упоминать. Ведь толчком для известной ленинской акции по высылке из страны цвета русской культуры на двух «философских пароходах» в 1922 г. явилось издание книги, в которой русские

подпорках», декорирующих ненадежность здания классического математического анализа. Но отбросив их, великий математик развил собственную концепцию обоснования математики – так называемый *предикативизм*. У Витгенштейна же были только общие слова...

⁸⁸ *Витгенштейн*, ч. II, кн. 1, с. 180.

мыслители обсуждали шпенглеровскую концепцию: именно это вывело из себя главу советского государства.

Но вернемся к чисто философским вопросам. Конечно, Витгенштейн 1935 года отличался от Витгенштейна периода создания «Логико-философского трактата». Присутствовавшее в этом сочинении противопоставление «сказывания» и «показывания» вылилось уже в более «мягкое» отношение к языку, означавшее отход от жесткого «логического атомизма». Главным предметом рассмотрений Витгенштейна становится теперь не логика и ее специфический язык, а язык естественный. Подчеркнем, однако, что основным идеям труда 1922 года Витгенштейн остался верен и в 1935 г., и позже. Поэтому диалектико-материалистические рассуждения, которые могли противопоставлять его взглядам советские оппоненты, наверняка казались ему наивными. Он, конечно, не мог согласиться с отождествлением философии и политизированного мировоззрения Маркса – Ленина. В соответствии со своим отношением к «философским предложениям» – он считал таковые лишены смысла – на высказываемые Яновской положения марксистской философии он должен был смотреть как на что-то бессмысленное. Для него философия была не учением, а деянием, задачей коего является, однако, всего-навсего «логическое прояснение мыслей» (афоризм 4.112). Как это далеко от того понимания философии, которое выражено, например, в знаменитых Марксовых «Тезисах о Фейербахе»!

Советским математикам и философам, которые общались с Витгенштейном, наверняка был не очень понятен тот акцент на языке, который пронизывал все философское мышление гостя из Кембриджа. Если бы Витгенштейн обсуждал логико-лингвистические проблемы, скажем, с культурологами – историками, этнографами и, особенно, лингвистами школы Н.Я.Марра, то он мог бы найти с ними определенные точки соприкосновения; во всяком случае обмен идеями был бы полезен для обеих сторон. Это особенно так, если принять во внимание ту эволюцию в интерпретации языка, которая представлена в «Голубой» и «Коричневой» книгах Витгенштейна (1933–1935). В 20–30-е годы в СССР проходила оживленная дискуссия о концепции «прелогического мышления», которую развивал французский этнолог Люсьен Леви-Брюль. Поднимавшиеся в этой дискуссии вопросы, касающиеся и культуры «примитивных» этносов, и логики их мышления, могли живо заинтересовать будущего автора «Логических исследований». Но Витгенштейн не общался с этим кругом наших отечественных специалистов.

Далее. Весьма кардинальными были различия сторон в трактовке сущности математики. В СССР тогда – и на многие десятилетия вперед – было принято определение ее как науки о «пространственных формах и количественных отношениях действительного мира», освященное авторитетом Энгельса (о котором Витгенштейн, как утверждается в воспоминаниях о нем, ничего не знал). Напомним, что современным содержанием это определение попытался наполнить А.Н.Колмогоров. С.А.Яновская, характеризуя его подход, писала: «собственным предметом математики как исторически, так и логически являются прежде всего именно пространственные формы и количественные отношения в их простейшем виде, т.е. как фигуры и числа. Все остальные пространственные формы и количественные отношения, изучаемые в математике, вырастают из этих в процессе их диалектического развития. Эта точка зрения в наиболее отчетливой форме была выражена в статье А.Н.Колмогорова, написанной для Большой Советской энциклопедии»⁸⁹. Хотя эта статья увидела свет уже после 1935 г., можно не сомневаться, что соответствующие воззрения вызревали у Андрея Николаевича уже тогда, когда в СССР приехал кембриджский философ.

Выше мы отмечали, какое внимание уделяла С.А.Яновская проблеме абстракции и ее роли в математическом мышлении. Витгенштейн же критиковал математическую абстракцию – «стремление к общности», или «метод унификации рассмотрения различных вопросов путем генерализирования», за то, что заключенная в этом тенденция есть, как он писал в «Голубой книге», «подлинный источник метафизики, и она ведет философа к полной темноте»⁹⁰.

Была, однако, одна тема, которая наверняка обсуждалась в беседах Витгенштейна и Яновской, – это проблема *смысла* выражений естественных и искусственных языков. Кембриджский гость, судя по всему, обратил внимание С.А. на эту проблему, причем наверняка указал на важную в этом вопросе статью Фреге «О смысле и значении». Именно тогда, по нашему мнению, Яновская осознала значимость этой проблемы и держала ее в уме в течение многих лет. От С.А. ее ученики не раз слышали предостережение: помимо противоположности «истина – ложь» имеется противоположность «осмысленное – бессмысленное», и невнима-

⁸⁹ С.А.Яновская. Указ. соч., с. 13. Статья А.Н.Колмогорова «Математика» помещена в томе 38 упомянутой энциклопедии, вышедшем в 1938 г. Наиболее полное (и доступное для читателя) изложение данной концепции можно найти в статье: А.Н.Колмогоров. Математика // Математический энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1988, с. 7–38.

⁹⁰ А.Ф.Грязнов. Указ. соч., с. 56.

ние к последней наносит вред логическому мышлению. Проблему смысла – в разных ее вариантах – она предлагала многим своим ученикам (В.К.Финну, Д.Г.Лахути, В.В.Донченко и др.), указывая на различные ее аспекты. Вместе с С.А. ее ученики осваивали и подвергали критике труд Р.Карнапа «Значение и необходимость», идейно связанный с витгенштейновским «Трактатом», но несравненно более значительный, нежели последний.

Много лет спустя С.А. приняла участие в издании русского перевода книги Карнапа, написав к ней богатое мыслями предисловие⁹¹. А тему кандидатской диссертации своего аспиранта Б.В.Бирюкова Софья Александровна в 1959 г. сформулировала прямо – «Проблема смысла в логике» и в качестве первого источника назвала как раз упомянутую статью Фреге... Что касается самой С.А., то фрегевскую систему обоснования арифметики она освоила более глубоко, чем Витгенштейн, и это нашло отражение в ее лекциях, а также в ряде ее философско-математических и логико-методологических докладов на научных и философских семинарах⁹².

Известно, что Витгенштейн («поздний», во всяком случае) отвергал «суеверный страх и трепет перед противоречием», утверждал (правда, без какого-либо доказательства), что появление противоречия в расселовской логико-математической системе безвредно⁹³. Эти мысли Витгенштейна можно было бы истолковать как предвосхищение паранепротиворечивой логики – тем более, что в «Трактате» им была высказана идея, что при уточнении понятия логического следования вместо тавтологий (то есть всегда истинных высказываний) можно использовать противоречия (высказывания, которые всегда ложны) – афоризмы 6.12, 6.1201, 6.1202). Но и здесь кембриджский философ не был новатором: как известно, система паранепротиворечивой логики уже была разработана русским мыслителем Н.А.Васильевым, причем не в «разговорном жанре», а на точном логическом языке.

Вернемся, однако, к взглядам Витгенштейна на математику. Они совершенно выпадали из «материалистического» понимания этой науки. Математические предложения, утверждал Витгенштейн в своем «Трактате», не выражают никакой мысли, они

⁹¹ Р.Карнап. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. Перев. [с англ.]. Общая редакция Д.А.Бочвара. Предисловие С.А.Яновской. М., ИЛ, 1959.

⁹² Некоторые заключенные в них идеи легли в основу книги: Б.В.Бирюков. Крушение метафизической концепции универсальности предметной области в логике. М., «Высшая школа», 1963.

⁹³ Там же, с. 81, 82.

псевдопредложения (афоризмы 6.2 и 6.21), а сама математика неотделима от логики, так как «математика есть логический метод» и вместе с тем «математика есть метод логики» (афоризмы 6.2 и 6.234), причем логика – «трансцендентальна», все логические выводы априорны (афоризмы 6.13 и 5.133), а предложения логики «ничего не говорят» (афоризм 5.43). Для тех, кто в те (и последующие) годы писал о кризисе «буржуазной» философии математики, высказывания, подобные тем, какие мы находим у Витгенштейна, могли лишь укреплять этот взгляд.

* * *

Обратимся снова к листкам записной книжки Витгенштейна. Когда вдумываешься в них, возникает впечатление, что 22 сентября было последним днем его пребывания в Москве, а следующие дни он был уже в Ленинграде. Но так ли это?

Ответ на вопрос зависит от того, в каком городе 23 числа он посетил (или собирался посетить) кого-то на частной квартире. Ибо под этим числом Витгенштейн записал: «Малые кошки 7. Нaus 4. Квартира 173. Autobus № 18». Была ли тогда в Ленинграде улица «Малые кошки»? Если да, то чья это была квартира? А может быть 23 числа кембриджский гость был еще в Москве?

Первый свет на этот вопрос пролил наш петербургский коллега – профессор П.М.Колычев, докторант философского факультета Санкт-Петербургского университета. По нашей просьбе он провел в своем городе соответствующие разыскания, и их результаты сообщил нам письмом. Петр Михайлович обратился за консультацией к работникам Справочного отдела Российской библиотеки Академии наук. Были просмотрены справочные издания, относящиеся к Санкт-Петербургу – Петрограду – Ленинграду, включая 30-е годы. Улица «Малые кошки» в них обнаружена не была. Но в Москве нашлась улица «Малые кочки». Разница в названиях всего в одной букве, – пишет П.М., – близких по звучанию “ч” и “ш” могла не улавливаться иностранцем. Ошибку Витгенштейн мог сделать, если записывал адрес со слуха.

П.М.Колычев приводит выписку из издания «Вся Москва. Адресная и справочная книга с приложением нового плана г. Москвы. 7-й год издания⁹⁴, из которой (с. 62, правый столбец) мы приводим наиболее значимые данные. «Кочки малые улица. От 2-го Шибаевского переулка до улицы Савельева – домовладения 5, 7, 9 и 2 – 14. Фрунзенский район». Дом № 4 на «Малых кочках»,

⁹⁴ М., Изд-во Мособлисполкома, 1931. Приводимые ниже сведения заимствованы из раздела VII: «Проезды в г. Москве, трамвай, автобус и такси», имеющем самостоятельную нумерацию страниц.

таким образом, имелся. Указано также отделение милиции 7 и проезд трамваями и автобусами (до остановок «Клиническая площадь» либо «Новодевичий монастырь»). Автобус № 18, фигурирующий в записной книжке Витгенштейна, в адресной книге этого года не значился. Но, как предположил Петр Михайлович, данный маршрут мог быть введен позже. В аналогичной адресной книге «Вся Москва» за 1936 год в разделе проезда по городу, как установил мой коллега И.П.Прядко, автобус № 18 уже указан, причем названа и остановка «Кочки малые». Что касается семерки в записи Витгенштейна, то это могло быть отделением милиции (как у иностранца, у него могли быть там какие-то дела)⁹⁵. Таким образом, можно считать установленным, что 23 сентября Витгенштейн был в Москве и, возможно, посещал кого-то в районе Хамовников. Но кого?

Существует гипотеза (ее высказал Н.Н.Нагорный), что по этому адресу проживала Софья Александровна Яновская. Тогда получается довольно логичная картина: Витгенштейн получает у С.А.Яновской сведения о Т.Н.Горштейн – месте ее работы и домашнем адресе, и отбыв в Ленинград ночным поездом посещает ее в городе на Неве.

Следующий день, 24 сентября, вторник, в Ленинграде, был для Витгенштейна наполнен событиями. Он записывает: «Анна М. Фишер. Ленингр[адский] Унив[ерситет]. Инст[итут] Мат[ематики] и Мех[аники]». Можно полагать, что встретиться с А.М.Фишер Витгенштейну рекомендовала Яновская. Фишер опубликовала в 1934 г. статью о философии математики Ф.Гонсета⁹⁶, которая позже вошла в упоминавшийся нами выше «Сборник статей по философии математики» 1936 года, в выпуске которого С.А. играла ведущую роль. Обращение представителя марксизма – Фишер к философским взглядам швейцарского математика Фердинанда Гонсета не было случайным. Считалось, что в его взглядах присутствуют мотивы, близкие диалектическому материализму. Гонсет выдвинул программу историко-генетического обоснования математики, которая оказала влияние на формирование «генетической эпистемологии» Жана Пиаже. Если Витгенштейн встречался с А.М.Фишер, то он наверняка услышал от нее аргументы, аналогичные тем, которые в споре с ним должна была развивать Яновская; их смысл не мог не

⁹⁵ Выражаем благодарность Петру Михайловичу Колычеву и работникам академической библиотеки, а также Игорю Петровичу Прядко, – все они помогли в разыскании нужной информации.

⁹⁶ Под знаменем марксизма, № 5, 1934.

сводиться к идее о необходимости диалектического подхода к обоснованию математики.

В тот же день, 24 сентября, Витгенштейн собирался встретиться с Т.Н.Горнштейн: в его записной книжке значится – «Татьяна Никол[аевна] Горнштейн, ул. Достоевского д. 30 кв. 24 [телефон] Б 4 52 28». Здесь перед нами возникает вопрос: была ли это *первая* встреча с Горнштейн или Витгенштейн встречался с ней еще до переезда в Москву, где-то начиная с 12 сентября. Если верно последнее, тогда это был прощальный визит перед отбытием из советской России. Но рассказ Марии Семеновны Козловой⁹⁷, беседовавшей о Витгенштене с Татьяной Николаевной, опровергает подобный взгляд.

Витгенштейн виделся с Т.Н. всего один раз⁹⁸. Оказывается, он без предупреждения нагрянул к ней на службу – в Ленинградское отделение Института философии комакадемии. По-видимому, встретиться с Горнштейн кембриджскому философу рекомендовала С.А.Яновская, указав, где ее можно найти (это объясняет упомянутую выше запись, которую для себя сделал Витгенштейн); Яновскую и Горнштейн связывали узы дружбы – Т.Н. называла Яновскую «Сонечка». Судя по всему, после встречи с Т.Н. в советском учреждении Витгенштейн стал ее провожать – они ехали на трамвае, и ей пришлось пригласить его домой. Татьяна Николаевна, рассказывает М.С.Козлова, была этим смущена, так как они с мужем проживали в коммунальной квартире, где у них была одна комната. Витгенштейна это, надо думать, не удивило: принимавшая его в Москве Яновская тоже жила в коммуналке. Витгенштейн, который и в Кембридже жил в одной комнате, сказал Татьяне Николаевне, что «он живет лучше», и это мнение Витгенштейна Т.Н. и М.С. объясняли тем, что Витгенштейн не любил заставленных комнат (неизменного атрибута советского коммунального бытия) – его кембриджское жилище было почти пусто, и если он дома читал лекции, то слушатели располагались на полу.

Визит Витгенштейна был несомненно событием в жизни Т.Н., так как она знала широкой известности своего гостя, имела представление о его философских воззрениях и о взглядах членов Венского кружка, а издалека здесь не виделось различия. Что касается личности заморского гостя, то надо сказать: он произвел на Т.Н. «чарующее впечатление». Из отзывов Витгенштейна о Москве

⁹⁷ Устное сообщение.

⁹⁸ Такм образом часто повторяемые сообщения, будто Витгенштейн встречался с Т.Н. еще до его поездки в Москву, не соответствуют действительности.

Т.Н. запомнила, что он восторгался Покровским собором (храмом Висилия Блаженного) на Красной площади.

Здесь снова возникает вопрос, сколько дней Витгенштейн пробыл в Ленинграде. Т.Н. в разговорах с М.С.Козловой категорически утверждала – один. Это, как будто, согласуется с *московским* адресом «малых кошек». Правда, тогда возникает другой вопрос: если Витгенштейн был в составе туристической группы, то неужели распорядок поездки не предусматривал хотя бы двух дней для ознакомления с великим городом? Естественно допустить, что Витгенштейн до переезда в Москву провел два-три дня в Ленинграде: должен же он был появиться в «Институте Севера»!

Татьяна Николаевна была историком науки и философии, к тому времени ей принадлежали работы, в которых критически, с марксистских позиций, рассматривался эмпириокритицизм. Кроме того у нее были выраженные интересы в области истории естествознания; в Комакадемии ей было присвоено звание старшего научного сотрудника по специальности «История физики». Обсуждая с Витгенштейном философские вопросы, Т.Н. наверняка подчеркивала диалектические стороны развития науки; автор работы об энгельсовском понимании диалектики природы, она не могла не спорить с некоторыми положениями, высказанными Витгенштейном в его «Трактате». Разве мог марксист принять взгляд кембриджского философа на законы достаточного основания, непрерывности и наименьшей затраты сил в природе как на «априорные прозрения возможных форм предложений науки» (афоризм 6.34)? Впрочем, у Витгенштейна были и пункты, которые сближали его воззрения с тем, что должны были считать верным и ленинградские, и московские математики и философы, и в их числе мысль, выраженная в афоризме 6.3431: «И все же, пробиваясь через логический аппарат, физические законы говорят о предметах мира», а также утверждение, что об объекте, находящемся в движении, можно сказать, что «он не существует в данном месте; изменение могло быть выражено через противоречие»⁹⁹

После поездки в Россию

Как рассказывала Софья Александровна, узнав от Витгенштейна о его намерении остаться в Советском Союзе, чтобы «строить социализм», она высказала свое соображение (наверняка, это было сделано очень ненавязчиво), что в России «климат для него неподходящий». Это значит: понимая, сколь опасным для него было оставаться в СССР, она пыталась дать ему знать об этом.

⁹⁹ *Витгенштейн*, ч. II, кн. 1, с. 175.

Что стало со многими иностранными «строителями социализма» в СССР, мы теперь хорошо знаем. Но есть пример, который так и просится, чтобы его привести. Один из узников ленинградских «Крестов», проведший в этой тюрьме в 1981–1982 гг. тринадцать месяцев, рассказал, что в попавшей в его руки французской книжке из тюремной библиотеки он обнаружил две записи по-французски, датированные 20.9.36. Первая гласила: «Прочтена парижанином, заточенным по ложному обвинению в К.Р. [контрреволюционной деятельности]», вторая сообщала, что ее автор прибыл из Парижа, «чтобы работать на благо Советской Революции»¹⁰⁰. Уберегла бы от подобной судьбы известность Витгенштейна как философа, останься он в «государстве рабочих и крестьян»?

Мы думаем, что кембриджскому гостю повезло – власти не хотели возиться с «буржуазным философом» из Кембриджа. «Авансы», которые ему делали в Ленинграде и Москве, носили совершенно необязательный характер – его просто водили за нос. И Витгенштейн покинул СССР, как говорится, не солоно хлебавши. Думается, что он тогда был просто в растерянности.

Нам кажется, что некоторая растерянность проявилась и в характере его размышлений на философско-математические темы – об этом свидетельствуют опубликованные посмертно витгенштейновские «Замечания по основаниям математики», которые он начал записывать с 1937 г. В них затрагивается масса самых разнообразных тем – от теории сечений Р.Дедекинда до теоремы Гёделя о неполноте формализованной арифметики. «Замечания» пестрят фразами, заканчивающимися знаками вопроса. Витгенштейн как бы спрашивал самого себя и не всегда находил ответ на свое вопрошание. Он поднимал много тонких проблем, путь решения которых для него был далеко не всегда ясен. Как мы видели, слушатели Витгенштейна ощущали важность того, о чем говорил лектор, но не понимали, к чему он клонит.

Конечно, эти «замечания» не были предназначены их автором для публикации. Но если бы он их и подготовил для печати, то вряд ли смог бы придать им существенно большую систематичность. Ведь в Предисловии к опубликованным в 1953 г. «Философским исследованиям» он признается, что «лучшее из того, что я мог бы написать, все равно осталось бы лишь философскими заметками»¹⁰¹, и что на этих «заметках» нет штемпеля, удостове-

¹⁰⁰ Л.Самойлов Ад – глазами француза // Знание – сила, 1990, № 2, с. 81.

¹⁰¹ Витгенштейн, ч. I, с. 77.

ряющего его авторство¹⁰²; цель его сочинения, пишет Витгенштейн, побудить читателя к «самостоятельному мышлению»¹⁰³. Нам кажется, что некоторые писатели, повествующие об этом кембриджском философе, игнорируют как завет, выраженный в приведенный выше словах Витгенштейна, так и следующую выразительную характеристику двух главных его трудов. Сопоставляя «Трактат» и «Философские исследования», Г.Бергман высказал мнение, что хотя первый – «первоклассное сочинение», это вместе с тем «блестящий провал». «Философские исследования» же – это «продиктованная отчаянием реакция на относительный неуспех» работы 1921–1922 гг. Вместе с тем между обеими книгами имеется «теснейшая связь»¹⁰⁴.

Оказавшись снова на британских берегах, Витгенштейн помалкивал о своем русском вояже, что скорее всего объясняется не только скрытностью его натуры, но и тем, что он, по-видимому, чувствовал ложность положения, в котором оказался в советской России. Именно этим, как нам кажется, а не тем, будто он, как иногда пишут, не хотел распространяться о теневых сторонах жизни в «государстве рабочих и крестьян», дабы не давать пищу противникам «советов», объясняется его поведение. Это тем более убедительно, что составить хотя бы приблизительное представление о жизни в СССР за такой короткий срок у него не было никаких возможностей.

Вернувшись из советской России, он кое-что рассказал своему другу Френсису Скиннеру и попросил его передать этот его «отчет» Фане Паскаль. От нее мы узнаем, что Витгенштейна, по его словам, в советской России «хорошо приняли». Вообще же он поведал своему другу некоторые детали (а тот передал рассказ о них Ф.Паскаль, которая и включила их в свои воспоминания), выглядящие странно и в совокупности смахивающие на саморекламу. Витгенштейна, будто бы, приглашали преподавать в университетах Москвы и Ленинграда, а через С.А.Яновскую – и в Казани. Будто бы Софья Александровна встретила его удивленным возгласом: «Так это что, неужели тот самый великий Витгенштейн?!», а потом, в беседах с ним, советовала ему «читать Гегеля», в отчетах же, которые она будто бы представляла в Институт философии (и о которых нет никаких данных), сооб-

¹⁰² Там же, с. 79. Эту оговорку можно понять как оправдание того, что Витгенштейн в свойственной ему манере не ссылается ни на какие философские и математико-логические источники.

¹⁰³ *Витгенштейн*, ч. I, с. 79.

¹⁰⁴ *Бергман*, с. 310. Курсив наш. – Б.Б., Л.Б.

щала, что Витгенштейн якобы интересовался диалектическим материализмом¹⁰⁵.

Здесь что ни тема, то вопрос. В литературе о Витгенштейне имеются, например, сообщения о том, что, отбывая в СССР, он «запасся официальными (?) письмами в институты Севера (в Ленинграде) и малых народностей (в Москве)»¹⁰⁶. Какого содержания, от кого и за чьей подписью были эти письма? Представил ли Витгенштейн их в соответствующие советские учреждения и если да, то каков был ответ «советских товарищей»? С кем и о чем беседовал Витгенштейн в «Дворце труда», если он там был? Кого навещал он на улице «Кочки малые» в квартире 173 дома № 4?

Снять эти и другие неясности, касающиеся пребывания Витгенштейна в советской России, можно лишь обратившись к архивам Министерства иностранных дел и Института философии РАН (тогда это был Институт философии Комакадемии), к архивам обоих упомянутых выше институтов малых народов и к архивам университетов обеих столиц. Помочь могут и адресные книги Москвы и Ленинграда, телефонные справочники. Но главные учреждения, где, наверное, следует искать сведения о пребывании кембриджского философа в Советском Союзе, – это архивы партийных инстанций и органов «госбезопасности», которые наверняка «курировали» необычного зарубежного гостя.

В конце концов Витгенштейн отказался от намерения переселиться в СССР, и не очень верится в то, что, переписываясь с Яновской и затрагивая, как иногда утверждают¹⁰⁷, тему переезда в советскую страну, он относился к этому серьезно. Иначе как понять, что менее чем через два года после возвращения из СССР он представил документы на получение английского гражданства навсегда¹⁰⁸. Но пиетет перед русской культурой Витгенштейн сохранил.

Ответ на главный вопрос

Имя Людвиг Витгенштейна в философских кругах ныне широко известно. М.С.Козлова, например, пишет, что это был «один из наиболее оригинальных мыслителей нашего [двадцатого] века, труды, учение которого бесспорно (!) принадлежат к числу высочайших (!) достижений мировой культуры и оказывают

¹⁰⁵ Шестаков, с. 155.

¹⁰⁶ М.С.Козлова. Философские искания Л.Витгенштейна // *Л.Витгенштейн*, ч. I, с. XI.

¹⁰⁷ Шестаков, с. 156.

¹⁰⁸ Там же.

колоссальное влияние на проблематику и стиль философствования XX века»¹⁰⁹. Однако в математической логике и философии математики, вокруг которой все время вертелась мысль этого кембриджского философа, его влияния что-то не заметно. Ни его имя, ни его труды не упоминаются в монографии С.К.Клини «Введение в метаматематику», «эталонной» для XX столетия¹¹⁰. А в фундаментальном труде по философии математики – книге А.А.Френкеля и И.Бар-Хиллела «Основания теории множеств» о Витгенштейне говорится вскользь. Что касается отечественной математической логики, то имени «кембриджского гения» нам не удалось найти ни у А.А.Маркова, ни у П.С.Новикова, ни у А.Н.Колмогорова.

Конечно, Витгенштейн занимает определенное место в истории философской логики, главным образом как один из зачинателей так называемой аналитической (или лингвистической) философии и мыслитель, которого неизменно вспоминают, когда речь заходит о становлении логической семантики. Он действительно выступает, говоря словами В.Ф.Асмуса, автора предисловия к первому русскому переводу «Трактата», как «одно из неустранимых звеньев в развитии логики XX века»¹¹¹. Тому, кто захочет оценить масштаб этого звена, можно рекомендовать известную историко-логическую книгу Вильяма и Марты Нилов¹¹². Там фигура Витгенштейна занимает достаточно скромное место.

Правда, если выйти за пределы собственно логики, видение фигуры Витгенштейна укрупняется. Он оказывается тогда мыслителем, во многом побудившем западную философскую мысль обратиться к семантико-семиотическим проблемам. Именно этим объясняется его влияние на Б.Рассела, то уважение, которое к нему испытывал Ф.Рамзей, и тот побудительный толчок, который, согласно нашей гипотезе, он дал направлению мысли С.А.Яновской.

Особая тема это – Витгенштейн и Венский кружок. В родную Вену Витгенштейн возвращался неоднократно. В Вене он готовил к изданию свой «Трактат». Там же этот труд, – правда, не сразу – нашел живой отклик: члены «Венского кружка» сочли Витгенштейна «своим» (с чем он был не очень согласен).

¹⁰⁹ М.С.Козлова. Указ. соч., с. VII.

¹¹⁰ В другой книге Клини – «Математическая логика» (1967; русский перев. – (1973) имя Витгенштейна встречается только один раз: в связи с термином «тавтология», введенном в его «Трактате».

¹¹¹ В.Ф.Асмус. «Логико-философский трактат» Л.Витгенштейна // *Трактат*, 1958, с. 7. Курсив наш. – Б.Б., Л.Б.

¹¹² W. and M.Kneale. *The Development of Logic*. Oxford, Clarendon Press, 1978.

Какова же действительная связь между кембриджским и венским стилями философствования?

Недавно вышедший русский перевод известной книги Виктора Крафта¹¹³, с одной стороны, укрепил нас в скромной оценке *научного* вклада кембриджского «гения», а с другой стороны – убедил в том, что философские идеи Витгенштейна, при всей их сбивчивости, были глубже и шире, чем у членов «Венского кружка».

Книга Крафта ясно показала, в чем проявлялось воздействие витгенштейновских мыслей на венских философов 20–30-х годов. Одной из идей, разработанных членами Венского кружка под влиянием Витгенштейна, Карфт считает идею *верификации* предложений¹¹⁴. Он рисует картину, из которой ясно, что влияние Витгенштейна шло по линии *философско-логической*, а не *математико-логической* мысли.

Нет спору, Витгенштейн оказал большое влияние на одно из философских сообществ Запада – то, в котором получило развитие направление, которое, внесло существенный вклад в философию языка, но, на наш взгляд, в прочих отношениях было весьма спорным. Здесь достаточно привести приводимые Крафтом слова одного из ведущих представителей венской философской школы – Морица Шлика. «Шлик, – читаем мы у Крафта, – опираясь на идеи Витгенштейна, по-новому определил задачи философии. Философия должна заниматься прояснением смысла слов и высказываний, выявлением и исключением бессмысленных выражений.

¹¹³ В.Крафт. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. Глава новейшей истории философии. Перев. с англ. А.Никифорова, М., Идея-Пресс, 2003. Немецкий оригинал книги вышел в 1950 г.

¹¹⁴ В книге Крафта много передержек. Он приписывает Витгенштейну формулировку положений, которые были уже высказаны другими мыслителями, иногда веками до кембриджского философа. Так, он утверждает, будто Витгенштейн был первым, кто указал на «связь логики и языка», тогда как размышления на эту тему имеют длительную историю, восходящую к античным философам и средневековым схоластам. Странно выглядит утверждение Крафта, будто к Витгенштейну восходит истолкование сложных предложений как функций истинности от предложений элементарных, а также различение экстенциональных и интенциональных контекстов; на деле все это было четко представлено у Фреге – в его статье «О смысле и значении» и в «Логических исследованиях». Столь же неосновательно утверждение Крафта, согласно которому Витгенштейн был первым, кто осознал «связь модальностей с логико-синтаксической формой предложений» (с. 97) – эту связь в 20-х годах видел уже К.И.Льюис, с логическим аппаратом в руках осмыслял ее О.Беккер (в известной публикации 1930 года) и четко выразил Г.Вейль в замечательной статье 1940 года – «Призрак модальности». У Витгенштейна же на данную тему были лишь ни к чему не обязывающие общие соображения.

Поэтому она не формулирует никаких собственных утверждений, а лишь уточняет данные ей предложения. Философия *не является системой истин* и не представляет собой какой-то особой науки, это “деятельность, связанная с определением или раскрытием смысла высказываний. Философия разъясняет предложения, наука их верифицирует. В науке речь идет об истинности высказываний, в философии – о том, как их следует понимать”¹¹⁵. Таким образом, философия не имеет собственной области исследования, это – метод, используемый *во всех науках* там, где возникает неясность. Отсюда вытекает парадоксальный результат: стремление к научности лишает философию статуса науки»¹¹⁶.

Вы, читатель, согласны с таким пониманием философии? Готовы ли признать его великим научным либо философским достижением?

Мы – нет. Конечно, логический анализ языка и построение формальных систем, служащих такому анализу, вещь важная. Тем более это так в нашу эпоху информатизации. Поэтому-то Витгенштейн, поборник логического анализа языка, занимает неотъемлемое место в истории научно-философской мысли. Только его подход к языку отличен от позитивистского и сциентистского. Мы согласны с утверждением М.С.Козловой, что «притягивание взглядов Витгенштейна к логическому позитивизму представляется ошибочным и дезориентирующим»¹¹⁷.

И здесь мы снова возвращаемся к сопоставлению Витгенштейна и Яновской. Цель, побудительный мотив изысканий Витгенштейна, пишет процитированный выше автор, составляло стремление к *ясности*, отчетливому пониманию. Но тот же мотив двигал и мыслью Софьи Александровны. Не случайно статья о Яновской, опубликованная к столетию со дня ее рождения, носит название «Жажда ясности»¹¹⁸, а в другой статье о ней в качестве одной из черт научной деятельности С.А. указана – *прозрачность*

¹¹⁵ Здесь Крафт ссылается на статью: *M.Schlick. Die Wende der Philosophie // Erkenntnis. Bd.I, 1930–1931, S. 8.*

¹¹⁶ *В.Крафт.* Указ. Соч., с. 199 (курсив наш. – *Б.Б., Л.Б.*). Обращаем внимание на то, что у Крафта – Шлика не сходятся концы с концами. «Раскрытие смысла высказываний», производимое философией, должно приводить к определенным суждениям, которые, однако, не подлежат оценке с точки зрения их истинности. Что же тогда дает «прояснение смысла»? – Кроме того, что-то не слышно, чтобы конкретные науки обращались к крафто-шликовской (а в исходном пункте – витгенштейновской) философии с просьбой снять возникающие в них «неясности», – они прекрасно обходятся своими силами.

¹¹⁷ *Козлова*, с. XIV.

¹¹⁸ Статья опубликована в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», № 4, 1996; ее авторы – И.Г.Башмакова, С.С.Демидов и В.А.Успенский.

*мысли*¹¹⁹. Но если у Яновской «жажда ясности» действительно привела к прозрачности ее мысли, то у Витгенштейна эта жажда так и осталась неудовлетворенной: смешно всерьез говорить о прозрачности мысли в его устных лекциях и письменных текстах.

В сказанном – ответ на *главный вопрос*, который выше мы сформулировали в виде альтернативы: Витгенштейн – гений или дутая величина? Наш ответ – ни то и не другое. Он мыслитель, оставивший реальный след в динамике *философской* мысли, но значимость его *научного* вклада в логику и основания математики преувеличивать не следует.

¹¹⁹ Бирюков – Борисова, с. 137.